

2-й 223

ГОЛОСЪ ЖИЗНИ

915

№ 11

Л И Т Е Р А Т У Р Н О - П О Л И Т И Ч Е С К И Й
 И Л Л Ю С Т Р И Р О В А Н Н Ы Й
 Е Ж Е Н Е Д Ъ Л Ь Н И К Ъ

СОДЕРЖАНИЕ № 11.

Обо всемъ Гр. С. Ю. Витте.

А. Толмачевъ. (Стихотворенія.)

Мосифъ Наллиининовъ. „Какъ мужикъ у нѣмца отелился“ (народная сказка).

И. Соколовъ. „Великіе европейскіе конгрессы“ (очеркъ II).

И. Ястребовъ. (Стихотворенія.)

Анастасія Чеботаревская. „Двѣ Зины“ (рассказъ).

О. Ларинъ (I. Р-новичъ). „Лиссабонское землетрясеніе и трели соловья“ (статья).

А. М. „Кающіеся интеллигенты“ (статья).

ВѢСТИ и МНѢНІЯ. Николай Слонимонъ. „Зеленое кольцо“ „Цыганщина въ литературѣ“.

ХРОНИКА.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Къ статьѣ **И. Соколова:**

Вѣнскій конгрессъ 1815 г. Съ картины **Изаба** (1767—1815) (стр. 7).

Евгеній Делакруа. (1799—1863) рисунокъ (стр. 18).

П. Митуричъ. „Изъ альбома художника“ (стр. 3).

Рисунки Эд. Штейнберга. „Видѣнія художника: морская“ (стр. 11).

Военныя иллюстраціи: „Воздушная развѣдка“ (стр. 1 и 2), „Изъ ствѣ на передовыхъ позиціяхъ. Вилла „Монъ-Плезиръ“, сооруженная французскими солдатами“ (стр. 4), „Скульптура французскаго солдата“ (стр. 5), „Французскій бивуакъ на городской площади“ (стр. 13), „Индійскія войска“ (стр. 14), „Англо-французскій флотъ Средиземномъ морѣ“ (стр. 17), „Смотръ добровольцамъ въ Тюильрийскомъ саду (Парижъ)“ (стр. 19).

ЗАСТАВКИ: **А. Арнштама** (стр. 3), **М. Нечитайло-Андреева** (стр. 6), **П. Митурича** (стр. 9), **Льва Бруни** (стр. 15, 16).

Адресъ Редакціи: Лиговская, 114, кв. 2, тел. 20-01. Приемные часы: вторн. и пятн., отъ 4-хъ до 6-ти. Рукописи, присылаемыя въ Редакцію, должны быть четко написаны, черезъ страницу. На отвѣтъ прилагаются почтовые марки. Непринятые рукописи хранятся въ теченіе мѣсяца, послѣ чего уничтожаются.

Въ „ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ принимаютъ участіе:

Въ литературномъ отдѣлѣ:

Г. Адамовичъ, С. Андреевскій, Анна Ахматова, С. Ауслендеръ, Г. Бароновъ, В. Бестужевъ, Л. Берманъ, В. Богучаровъ, Н. Бородинъ, В. Брусянинъ, З. Венгерова, Б. Верхоустинскій, Б. Веселовскій, Л. Галичъ, В. Гипнусъ, З. Гипнусъ, Г. Георгиевскій, С. Городецкій, Л. Добронравовъ, Борисъ Зайцевъ, И. Зейлингеръ, Георгій Ивановъ, В. Ирещннъ, В. Каратыгинъ, В. Карачаровъ, А. Карташевъ, Н. Коробко, В. Кохановскій, Антонъ Крайній, Д. Крачковскій, Д. Крючковъ, М. Курчинскій, О. Ларинъ, Д. Левинъ, Н. Лернеръ, Е. Мауринъ, А. Мейеръ, Д. Мережковскій, Д. Митрохинъ, М. Моравская, М. Новорусскій, Я. Онуфрей, Г. Орбели, А. Ремизовъ, В. Ропшинъ, А. Ростиславовъ, Е. Семеновъ, М. Славинскій, Ю. Слезкинъ, Ю. Слонимская, Андрей Соболевъ, К. Соколовъ, П. Соловьева (Allegro), В. Соловьевъ, Ф. Сологубъ, А. Тиняковъ, Н. Толмачевъ, Ф. Форшъ, А. Чагинъ, Ан. Чеботаревская, Георгій Чулковъ, М. Шагинянъ, К. Эрбергеръ и др.

Въ художественномъ отдѣлѣ:

Н. Альтманъ, А. Арнштамъ, Александръ Бенуа, И. Билибинъ, Л. Бруни, П. Верейскій, А. Гроссъ, М. Добужинскій, С. Еремеевъ, А. Иванова, Л. Квятковскій, Г. Лукомскій, Д. Митрохинъ, П. Митуричъ, М. Нечитайло-Андреевко, Б. Поповъ, Е. Псковитинина, Н. Рерихъ, Н. Смирновъ, А. Соборова, С. Чехонинъ, В. Яннауеръ, С. Яремичъ и др.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Начиная съ 14-го номера, будутъ разсылаемы подписчикамъ сочиненія Л. Н. Толстого. Задержка произошла изъ-за специально заказанной для настоящаго изданія. Въ номерѣ 12-мъ „ГОЛОСА ЖИЗНИ“ мы помѣстимъ подробный планъ и распредѣленіе матеріала по томамъ.

Подписная цѣна журнала „ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ съ 82-мя книгами полнаго собранія сочиненій Л. Н. Толстого съ пересылкой—8 р. 50 к.

Допускается разсрочка: при подпискѣ—3 р. 50 к., къ 1-го марта—2 р., къ 1-го юня—2 р., къ 1-го августа—1 р. 50 к.
Цѣна за 6 мѣс.—4 р. 25 к., за 3 мѣс.—2 р. 12 к.

Подписная цѣна журнала „ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ (безъ книгъ полнаго собранія сочиненій Л. Н. Толстого) съ пересылкой: за годъ—4 р. 50 к., за 6 мѣс.—2 р. 50 к., за 3 мѣс.—1 р. 35 к. Разсрочка допускается: при подпискѣ—2 р. 50 к., къ 1-го юня—2 р.

ПРИ ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА необходимо прилагать СТАРЫЙ АДРЕСЪ И ТРИДЦАТЬ (30) коп. почтов. марками. Заявленія о неполученіи очереднаго номера необходимо дѣлать тотчасъ по полученіи номера, слѣдующаго за неполученнымъ. Поздніе заявленія удовлетворены быть не могутъ.

Издательство А. А. Наспари имѣетъ честь напомнить о томъ, что

**1-го МАРТА НАСТУПИЛЪ СРОКЪ
ВЫСЫЛКИ ДОПЛАТНЫХЪ ДЕНЕГЪ**

для тѣхъ гг. подписчиковъ, которые до сихъ поръ уплатили за журналъ съ сочи. Л. Толстого **МЕНЪЕ 5 Р. 50 К.**

Лица, подписывающіеся на журналъ „ВСЕМИРНАЯ НОВАЯ“ съ книгами сочиненій Л. Н. Толстого, обязаны **ОБЯЗАТЕЛЬНО ПИСАТЬ на ДЕНЕЖНОМЪ ПЕРЕВОДѢ** фразу

„съ сочиненіями Л. Толстого“ указывая при этомъ желаемое количество книгъ, т. е. 82 (полное собраніе ВСѢХЪ сочиненій) или 50 (браніе ТОЛЬКО беллетристическихъ произведеній) въ случаѣ неупоминанія въ переводѣ о сочиненіи Л. Н. Толстого подписка будетъ зачисляться абонементы № 1 или № 2 (соответственно количеству высланныхъ денегъ), какъ наиболѣе требуемъ

ГОЛОСЪ ЖИЗНИ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКЪ

издаваемый Акц. Общ. Издательства А. А. Каспари въ Петроградѣ, при ближайшемъ участіи Д. В. Философова.

Петроградъ.

№ 11

11 марта 1915 г.

Предъ отлетомъ на развѣдку.

ОБО ВСЕМЪ.

Гр. С. Ю. Витте.

Послѣднія десять лѣтъ своей жизни гр. С. Ю. Витте былъ страшно одинокъ. Русское общество, откровенно говоря, просто его забыло, правительственные же круги попрежнему ему не доверяли. Напомнить о себѣ старался самъ гр. Витте. И, надо сказать, не всегда удачно. Его послѣднее выступленіе съ докладомъ въ совѣтъ сѣздовъ промышленниковъ вызвало большіе толки и дало поводъ обвинить гр. Витте въ яромъ „германофильствѣ“. Правда, когда толки слишкомъ разрослись, послѣдовали опроверженія, однако опроверженія мало кого убѣдили...

Но вотъ этотъ яркій и замѣчательный человѣкъ скончался, и русская печать посвятила ему безконечныя статьи.

Изъ статей этихъ мы узнали, что рядомъ съ нами жилъ въ Россіи настоящій гени, вѣстину государственный дѣятель, который былъ намъ страшно нуженъ именно теперь, когда всякій энергичный человѣкъ столь необходимъ. Жилъ рядомъ — и бездѣйствовалъ. Какая несправедливость!

Если это вѣрно, то почему же гр. Витте пребывалъ съ 1905 года въ одиночествѣ? Почему его никто не поддерживалъ, ни правые, ни лѣвые, ни средина? Всѣ его побаивались, никто ему не доверялъ, смотрѣли на него съ недоброжелательнымъ любопытствомъ, ожидая отъ него лишь „сенсационныхъ“ выходокъ.

Одинъ очень видный общественный дѣятель утверждаетъ, что гр. Витте былъ „консерваторомъ“ въ лучшемъ смыслѣ слова, другіе прозвали Витте „отпомъ конституціи“. Чело-

вѣкъ, лично обязаный покойному, написалъ цѣлый фельетонъ о „добромъ сердцѣ“ Витте. Это „сердце“, моль, и помѣшало Витте строго слѣдовать вѣдѣніямъ государственнаго разума.

Такой „пересоль“ — явленіе очень печальное. Конечно доброе отношеніе къ умершимъ похвально. Но Витте былъ фигурой слишкомъ крупной, чтобы бояться голой правды. А, главное, онъ былъ „исторіей“ — къ исторіи же надо относиться болѣе сознательно и объективно. Просматривая газеты, посвященныя памяти Витте, еще разъ убѣждаешься, до какой степени мы не умѣемъ разбираться въ историческихъ событіяхъ, относиться къ нимъ трезво, безъ лирики. Тѣмъ болѣе отрадно отмѣтить нѣкоторые трезвые голоса людей, не подавленныхъ величьемъ Витте, людей, сумѣвшихъ безъ всякаго пристрастія объективно разсказать о причинахъ „провала“ Витте. Нечего себя обманывать. Этотъ незаурядный, талантливый человѣкъ все-таки „провалился“.

Судьба поступила такъ жестоко по отношенію къ гр. Витте потому, что Витте никогда не имѣлъ опредѣленной линіи поведенія. Руководящей идеи у него никакой не было. До конца жизни онъ остался „начальникомъ юго-западныхъ дорогъ“, талантливымъ „дѣльцомъ“, не больше. Политическимъ, отвѣтственнымъ дѣятелемъ его назвать нельзя. Развѣ можетъ серьезный политическій дѣятель сегодня издавать книгу „Самодержавіе и земство“, а завтра записывать себя въ „отцы конституціи“? Развѣ можетъ государственный дѣятель опираться только на личныя отношенія, не принадлежать ни къ какой опредѣленной группѣ, не придерживаться никакихъ опредѣленныхъ принциповъ?

Чѣмъ выше подымался Витте, тѣмъ рѣзче обнаруживался основной его недостатокъ. Директоръ юго-западныхъ дорогъ превратился сначала въ талантливаго м-ра финансовъ. Онъ высоко поднялъ вѣдомство. Проявлялъ громадную энергію.

Но на всей его дѣятельности лежалъ отпечатокъ „дѣлчества“. „Дѣлецъ“ — народъ полезный. (На благородномъ языкѣ ихъ называютъ „представителями частной инициативы.“) Но они должны проявлять свою инициативу въ правовой обстановкѣ, такъ сказать, подзаконно. Когда же дѣлецъ самъ творитъ законы, онъ становится силой вредной, если онъ не... Петръ Великій. Петромъ Великимъ Витте конечно не былъ, а о законности не имѣлъ ни малѣйшаго понятія. На законъ онъ смотрѣлъ, какъ на порожденіе „бюрократіи“. Опираясь на личное къ себѣ довѣріе, Витте добивался буквально всего, чего хотѣлъ. Понятно, что такой человѣкъ не могъ быть подлиннымъ „отцомъ конституціи“.

Самъ онъ въ послѣдніе годы своей жизни изображалъ изъ себя какого-то „жирондиста“, оставшагося не у дѣла благодаря желанію идти по среднему пути. Это конечно не вѣрно. По всей своей природѣ Витте былъ якобинцемъ, притомъ якобинцемъ безъ всякой программы. Опортунистомъ по существу. Его судьба лишній разъ показываетъ, насколько малопрігодна русская атмосфера для произрастанія истинныхъ послѣдовательныхъ государственныхъ дѣятелей. Въ правовомъ государствѣ, при строгомъ контролѣ общества, сила графа Витте могла быть использована ко благу. Условія этихъ у насъ нѣтъ, и Витте превратился въ случайнаго человѣка, въ энергичнаго дѣльца, нѣкоторыя изъ аферъ котораго удалась, а нѣкоторыя провалились.

И если мы теперь слышимъ столько безмѣрныхъ похвалъ по адресу Витте, то именно потому, что въ обывательской толщѣ Россіи до сихъ норъ еще не укрѣпилась идея права и государственности. До сихъ поръ еще талантливое „нутро“ дѣлится выше, нежели спокойное, отвѣтственное сознание.

Возвращеніе съ воздушной развѣдки.

Въ скверъ.

Я въ скверѣ буковомъ и кленномъ,
 Люблю, какъ, можетъ быть, никто.
 И взоромъ призрачно-влюбленнымъ
 Встрѣчаю черныя манто.
 Кому-то вѣрю неразумно,
 Кого не вѣдая люблю,
 А за рѣшеткой городъ шумный
 Рокочетъ исповѣдь свою.
 А за листьями вѣчно-вѣчно
 Воздушно-матовымъ платкомъ
 Мнѣ кто-то машетъ безконечно
 О чемъ-то нѣжномъ и глухомъ.

У монастыря.

В. Б. С.

Вечерній колоколъ о чемъ-то плакалъ мѣрно,
 И шли монашки въ темный храмъ...
 А ты о прошломъ плакала навѣрно
 Далеко... тамъ.
 Подъ сводами колоннъ, въ лампадномъ полусвѣтѣ
 Я понялъ все и все забылъ...
 Забудь и ты... тогда мы были дѣти,
 Птенцы безъ крыль.
 Глумился колоколъ торжественно и важно,
 Прощалъ глумленіе врагамъ.
 А ты... одна... все плакала протяжно
 Далеко... тамъ.
 Гебъ ли быть женой банальной и примѣрной?!—
 Какой трагичный анекдотъ!—
 А колоколъ о чемъ-то плакалъ мѣрно
 И звалъ народъ.

Ожиданіе.

Мчатся по снѣгу хрустія лыжи...
 Снѣгъ и молчанье... снѣгъ и луна...
 Съ каждой минутой ближе и ближе,
 Съ каждой минутой ближе она.
 Я возжигая бѣлыя свѣчи,
 Слышу Предтечу... слышу... не жду...
 Даже не вѣрю въ лунную встрѣчу,
 Даже навстрѣчу я не пойду.
 Грустно и тихо стонуть метели,
 Черныя ели въ темномъ окнѣ...
 Всѣ позабыли, всѣ улетѣли,
 Прошлыя были будто во снѣ.
 Мчатся по снѣгу хрустія лыжи...
 Снѣгъ и молчанье... снѣгъ и луна...
 Съ каждой минутой ближе и ближе,
 Съ каждой минутой ближе она...

Александръ Толмачевъ*Изъ альбома художника П. Митурича.*

Искусство на передовых позициях. Вилла „Монь-Плезир“, сооруженная французскими солдатами.

ЮСИФЪ КАЛЛИНИКОВЪ.

КАКЪ МУЖИКЪ У НѢМЦА ОТЕДИДСЯ.

(Народная сказка. Записана въ с. Милечь, Орловской губ., 11-го поля 1914 года.)

Пошелъ мужикъ въ кабакъ на праздникъ, встрѣтился съ сосѣдями, да за разговорами и пересудами и напился. А выпить мужикъ любилъ по всякому случаю, особо если встрѣтится съ друзьями.

Дѣло было зимой, морозъ такъ до костей и прохватывалъ, ажъ мурашки по спинѣ бѣгали. Долго засидѣлся мужикъ въ кабакѣ, вышелъ на улицу, глянулъ на небо — ни звѣздъ, ни мѣсяца — ночь выпала темная. Почесалъ мужикъ затылокъ, пробурчалъ себѣ что-то подъ носъ и пошелъ къ хатѣ. И идти будто недалеко, а все никакъ не доберется, — то сугробъ подъ ноги попадется, то на плетень наткнется. Подошелъ къ своей хатѣ и стучить въ окно.

— Эй, баба, откутай избу!

А къ бабѣ сосѣдь ходилъ. Уйдетъ мужъ въ кабакъ, а жена — за милымъ другомъ.

— Чего по ночамъ шатаешься, людей баламутить, ступай себѣ, не твоя хата.

Отошелъ мужикъ отъ своей хаты и думаетъ:

„Ета, де, — кумова хата, ета — сосѣда Игната, а ета — моя хата“.

Опять стучить въ хату:

— Эй, баба, тебѣ говорю, откутай хату!

— Иди прочь, тебѣ говорить, не твоя хата, что ты меня разоряешь? Ночь на дворѣ, а ты шатаешься, лѣший.

Отошелъ опять мужикъ и думаетъ:

„Ета — кумова хата, ета — сосѣда Игната, ета — моя хата“.

Пошелъ къ куму и давай кума будить:

— Кумъ, а кумъ, отоприся.

— Что тебѣ надуть, кумъ?

— Устань, отведи меня домой, хаты своей не сыщу.

Кумъ взялъ его на плечи, какъ мѣшки носятъ, и повелъ на себѣ. Подносить къ этой самой хатѣ, къ его-жъ хатѣ.

— Кума, а, кума, откутай, возьми кума пьянаго.

А кума говорить:

— Какого ты черта шатаешься, пошелъ прочь, къ твоей со мною спать. Напились оба, да умъ потеряли.

А у кума другой кумъ былъ.

Саданулъ кумъ объ дорогу пьянаго кума, а самъ мой ушелъ. Лежалъ-лежалъ мужикъ на дорогѣ, промерзъ.

А хмель соскочила. Подхватился, да черезъ дворъ. Перелезъ а къ бабѣ боится идти, коромысломъ пзобьетъ. Пошелъ

мужикъ у мяльню, на дворѣ была, а въ мяльнѣ быкъ жаль. А чтобъ не замерзнуть, къ быку подъ пузо залезъ да и заснулъ.

Проснулся наутро и въ хату. А жена спрашиваетъ:

— Гдѣ ты былъ? — я тебя ночь искала-искала!

— Я съ быкомъ спалъ.

Искусство на передовых позициях. Скульптура французского солдата.

— А, съ быкомъ спать, чертовъ сынъ, а со мной не
ль. Ступай, куда знаешь. Съ быкомъ снъ спать,—что я
тобой буду дѣлать—ты отелишься!

Забралъ мужикъ сумку, взялъ на дорогу хлѣбушка и по-
дѣлаться, куда глаза глядятъ.

Ишелъ, ишелъ дорогою, глядь, на дорогѣ нога чья-то
виситъ, нога обута, въ сапогѣ.

— Нога-то, знать, отсѣчена, — возьму-ка я ее, сапогъ
виситъ.

И рвалъ, рвалъ ногу, сапогъ стянуть хотѣлъ, ни-
къ не выветъ, примерзла нога. Положилъ въ сумку и
домъ пошелъ. А ужъ ночь на дворѣ, надо куда нибудь
сидеть идти. Глядь—хуторъ, а въ хуторѣ нѣмецъ живеетъ.

— Дай пойду къ нѣмцу, авось пустить переночевать.

Пустилъ нѣмецъ мужика въ хату на печку. Лежилъ-лежалъ
на печкѣ, вынулъ ногу изъ сумки, а она оттаяла—
виситъ сапогъ. Ногу въ углушекъ положилъ, да и заснулъ.

А у нѣмца была корова тельная,—дочь его и спрашиваетъ:

— Папа!

— Што ты, точка?!

— Ты хлѣбъ харофу?

— Нѣ, пойту похляжу.

Высочилъ нѣмецъ къ коровѣ—корова отелилася, у те-
ленка уши замерзли. Взялъ нѣмецъ теленка да на печку, че-
резъ этого человѣка, а онъ и не почувалъ ничего. Положилъ
теленка, да и легъ нѣмецъ спать. Просыпается мужикъ ночью,
глянулъ—теленокъ подъ бокомъ лежитъ. Узялъ да ходу изъ
хаты, ушелъ отъ нѣмца. Вѣтъ, бѣтъ мужикъ, добѣжалъ къ
утру до своей хаты и говоритъ женѣ:

— Баба, а, баба, отелился вѣдь.

— Гдѣ отелился? Опять пьянъ былъ?

— Да нѣтъ, у нѣмца отелился ночью и не почувалъ, какъ;
теленокъ тамъ остался.

— Ну, ступай у хату!

Просыпается утромъ нѣмецъ, посмотрѣлъ на печку—те-
ленокъ и нога лежитъ, человѣка-то и нѣтъ.

— Теленокъ-то челофѣка съѣлъ, но не доѣлъ. Что я
буду дѣлать?

Взялъ нѣмецъ теленка этого да тихоньку, чтобъ никто
не видалъ, и закопалъ въ яму на дворѣ, живьемъ прямо,
и ногу туда же.

Мужикъ-то отелился спяну, а нѣмецъ теленка сгубилъ
зря, потому—дуракъ нѣмецъ.

Юсифъ Калининъ.

императоры русскій и австрійскій, короли прусскій, датскій, вюртембергскій и баварскій; отдѣльныя страны послали въ Вѣну лучшихъ своихъ дипломатовъ: Россія—кн. Разумовскаго, гр. Нессельроде и гр. Штакельберга, Англія—Кастлри и Веллингтона, Пруссія—Гарденберга и Гумбольдта, Австрія была представлена Меттернихомъ. Конгресса, въ собственномъ смыслѣ слова, то есть правильныхъ пленарныхъ засѣданій, не было. Засѣдало нѣсколько комиссій, начавшихъ свои совѣщанія 1-го ноября 1814 года. Общее руководство занятіями конгресса принадлежало особому распорядительному комитету въ составѣ делегатовъ восьми державъ, подписавшихъ первый парижскій миръ. Возвращеніе Наполеона съ острова Эльбы ускорило зятянувшіяся было работы конгресса, и 9-го июня 1815 года всѣ его постановленія были сведены воедино въ такъ называемомъ „заключительномъ актѣ“.

Принято говорить, что на Вѣнскомъ конгрессѣ восторжествовало начало „легитимизма“, то есть идея восстановленія „законнаго“, „историческаго“ правопорядка, существовавшего въ Европѣ до Великой французской революціи. Это не вполне точно. Начало легитимизма, выдвинутое Талейраномъ въ извѣстной нотѣ Меттерниху отъ 19 го декабря 1814 года, дѣйствительно сыграло видную роль въ занятіяхъ конгресса и предопредѣляло многія изъ его постановленія. Но влияние этого начала уравновѣшивалось влияніемъ любимой идеи Александра I о „невмѣшательствѣ“ во внутреннія дѣла отдѣльныхъ странъ, и въ еще большей степени тѣми совершенно безпринципными интригами, которыми предавались всѣ участники конгресса и прежде всего Меттернихъ.

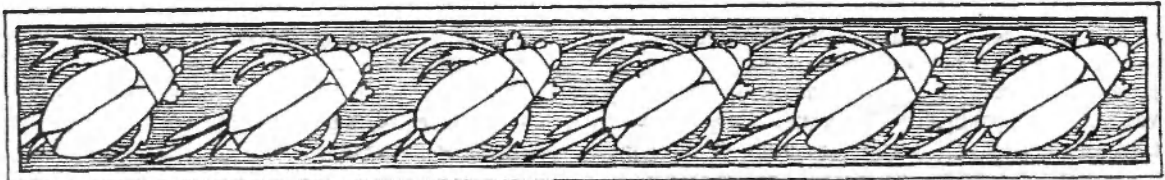
Въ концѣ концовъ постановленія Вѣнскаго конгресса оказались построенными на различныхъ, внутренне несогласованныхъ, часто прямо противорѣчивыхъ основаніяхъ. Последовательное примѣненіе легитимизма требовало бы восстановленія Польши, возвращенія саксонскому королю отнятыхъ у него земель, реставраціи Нидерландской республики, присужденія бельгійскихъ провинцій австрійскимъ Габсбургамъ. Судьба всѣхъ этихъ территорій, какъ и многихъ другихъ, была однако рѣшена въ Вѣнѣ путемъ болѣе или менѣе случайныхъ компромиссовъ между борющимися въ освобожденной отъ французскаго ига Европѣ силами. Одну только общую черту можно отмѣтить почти у всѣхъ политическихъ постановленій конгресса—это ихъ откровенно реакціонный характеръ. Монархи Европы, вмѣстѣ со своими министрами, словно обрадовались возможности работать не по указкѣ революціонныхъ „каналовъ“ и съ азартомъ принялись, какъ въ счастливые дни „старого порядка“, кромсать территории и торговать подданными. Монархи опять радѣли о благополучіи, лично и семейномъ, „округляли“ свои владѣнія и „устраивали“ бѣдныхъ родственниковъ. Министры опять соперничали въ славѣ и влияніи, старались „перехитрить“ и „поймать“ другъ друга. Тѣ и другіе вѣроятно рѣже всего вспоминали среди баловъ и празднествъ жизнерадостной австрійской столицы о нуждахъ и интересахъ миллионовъ людей, ввѣренныхъ ихъ властному руководству.

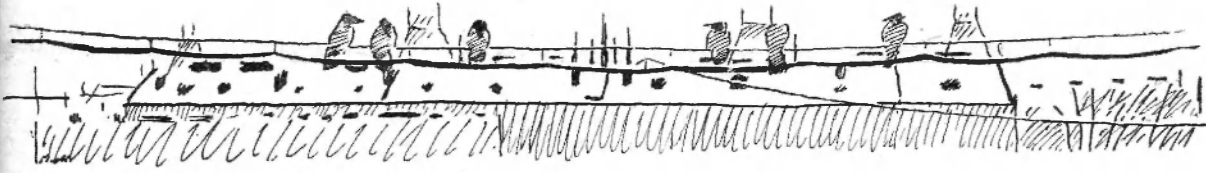
Для удобства можно раздѣлить постановленія Вѣнскаго

конгресса на двѣ большія группы—на собственно междунаправовыя и на политическія. Первыя, намѣчая дальнѣйшія усовершенствованія международнаго права, касались свободы судоходства по международнымъ, то есть протекающимъ черезъ владѣнія нѣсколькихъ государствъ, рѣкамъ, запрещенія торговли неграми и установленія ранговъ дипломатическихъ агентовъ. Вторыя выразились въ генеральномъ „передѣлѣ“ территориальныхъ цѣнностей, выброшенныхъ европейскій рынкомъ войнами революціи и имперіи. Такъ Россія получила герцогство Варшавское, за исключеніемъ Познани, отошедшей къ Пруссіи, и Кракова, образовавшая нейтральную республику. Австрія, возстановленная въ своихъ до-революціонныхъ границахъ, приобрѣла Венецію и Ломбардію. Пруссія, также реставрированная въ до-революціонномъ масштабѣ, поглотила почти половину Саксоніи и цѣлый рядъ другихъ нѣмецкихъ земель. Бельгія была соединена Голландіей въ Нидерландское королевство, задуманное еще до „барьера“ противъ Франціи. Швейцарія была отдана Женевѣ, Валлису и Невшателю, и она признана постоянно нейтральной. Очень много „ломки“ было предпринято въ Италіи. Здѣсь были „реставрированы“ папская монархія, сардинское королевство и королевство обѣихъ Сицилій. Сардинія поглотила Геную подобно тому, какъ Австрія поглотила Рагузу. Кромѣ того въ Италіи же было выкроено нѣсколько мелкихъ герцогствъ для разныхъ „безработныхъ“ габсбургскихъ и бурбонскихъ принцевъ и принцессъ. Но снѣчь Вестфальскаго конгресса, и Вѣнскій конгрессъ занялся внутреннимъ устройствомъ Германіи. Путемъ „медиатизаціи“, то есть лишенія владѣтельныхъ правъ многихъ феодальныхъ государей, число германскихъ государствъ было доведено съ 350 до 38. Всѣ они должны были образовывать германскій союзъ съ сеймомъ подъ предсѣдательствомъ австрійскаго уполномоченнаго.

Реакціонный духъ, вдохновлявшій участниковъ Вѣнскаго конгресса, сказался въ полной силѣ тогда, когда рѣшенія его были проведены въ жизнь и „преобразованная“ Европа вступила въ мрачную полосу „реставраціи“. Конечно не все понимали „реставрацію“ такъ прямолинейно, какъ тотъ итальянскій князекъ, который, „вернувшись на тронъ префектъ“, предложилъ престарѣлымъ генераламъ чинъ прапорщика и сѣдовласымъ прилворнымъ—рангъ пажа. Но съ большимъ или меньшимъ рвеніемъ „реставрировали“ монархи всѣ европейскіе государства. Одно время могло даже показаться, что Европа была осуждена на многія десятилѣтнія внешне- и внутренне-политическаго мракобѣсія. Сначала три за тѣмъ пять могущественнѣйшихъ монарховъ Европы объединились для того, чтобы слѣдить за внутреннею жизнью отдѣльныхъ государствъ и коллективнымъ вмѣшательствомъ подавлять въ корнѣ всякое революціонное движеніе. Но эти были послѣднія судороги „старого порядка“. Уроки революціи и имперіи не прошли все-таки даромъ, и вскорѣ „легитимизму“ монарховъ былъ противопоставленъ „легитимизмъ“ народовъ. Греческое возстаніе подало сигналъ къ движенію противъ идеаловъ „реставраціи“. Событія 1830 года нанесли имъ рѣшительный ударъ.

К. Соколовъ.

Н. ЯСТРЕБОВЪ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

На тебѣ была блузка газовая
Съ краснымъ бантомъ на лѣвомъ плечѣ.
Ты смѣялась, зубки показывая,
Догоравшей свѣчѣ.
Трепетали клавиши покорные;
Въ полусвѣтѣ мерцали глаза,
А за окнами молніи проворныя
Бросала гроза.
И казалось—за стеклами темными
Притаилась Вѣчность отъ насъ,
Караулить насъ часами бессонными,
Не смыкая глазъ.

* * *

Брось раскаленную сталь
Между валами машины,
Выкрути крѣпче спираль
Новой надежной пружины.
Громче стучите, шкивы—
Руки привычны и быстры,—
Кинемъ на рынокъ молвы
Мысли пылающей искры.

Entre nous.

Я обую твои ножки въ валенки,
Я закутаю тебя покрѣпче пледомъ.
Потрусить насъ меринъ старый, чаленкинъ
Въ ближній лѣсъ гулять передъ обѣдомъ.
Видишь, кружится по улицѣ метелица,
Намъ въ окошко машетъ бѣлой лапой...
Загорится твое маленькое тѣльце,
Заснѣжятся волосы подъ шляпой.

* * *

Строю тонкій вѣдукъ надъ стремниной искушенья:
Я люблю желѣза стукъ и стихій поработенье!
Острый циркуль воплотилъ гордыхъ мыслей пау-
тину:
Врѣжьтесь, врѣжьтесь, зубья пилъ, глубже въ
каменную спину!

Н. Ястребовъ.

Н. Ястребовъ

АНАСТАСІЯ ЧЕБОТАРЕВСКАЯ.

ДВѢ ЗІНЫ.

Ихъ двѣ, и видятся двѣ Зины часто, хотя познакомились онѣ совсѣмъ недавно, съ тѣхъ поръ, какъ у обѣихъ взяли мужей на войну. Обѣ по-своему пережили это событіе, по-своему реагируютъ на него, — ужь очень онѣ обѣ разные.

Начать хотя бы съ того, что Зина первая (барыня, жена адвоката, взятаго на войну какъ прапорщикъ запасъ) своимъ суетливымъ, быстрыми движеніями, миниатюрною фигуркою и рѣзкими чертами южнаго, неправильнаго лица напоминаетъ итальянскаго мальчика, а Зина вторая (Зинаидица, какъ зовутъ ее на кухнѣ) — большая, широкогрудая, русоволосая, со спокойнымъ взглядомъ сѣрыхъ глазъ, настоящая великороссека, мужичка изъ псковскихъ. Такая большая, что даже и въ просторной зининой кухнѣ она кажется занимающею слишкомъ много мѣста.

Несмотря на свою степенность и неповоротливость, работаетъ Зина вторая истово, гладитъ и стираетъ отлично. Живя на Охтѣ, она успѣваетъ въ четыре часа утра выдти на поденную и въ девять вечера возвращается гуляючи, словно и не стояла весь день на ногахъ за доскою у жаркаго утюга или въ темной, сырѣй прачешной у чужого, противнаго бѣлья.

Лицо у нея круглое, чистое; большія, мягкія ладони; ходитъ въ широкихъ свѣтло-ситцевыхъ кофтахъ, и при взглядѣ на нее является представленіе чего-то круглаго, мягкаго, нѣжнаго и необычайно устойчиваго.

Она и „событія“ переноситъ какъ-то ровно, спокойно, кругло.

Зина первая каждый день пишетъ Владиміру Николаевичу въ штабъ ... арміи длинныя-предлинныя письма. (Устроилась онъ удачно, — попалъ въ штабъ.) Зина первая описываетъ ему, какъ ей скучно и одиноко въ ихъ большой, сразу ставшей неуютною и холодною, квартирѣ, какъ вдругъ пропала охота гдѣ бы то ни было бывать, какъ опостылѣли театры, собранья, концерты, вся та немножко безтолковая и безоглядная, но такая милая въ прежнемъ жизнь.

И правда, за первые мѣсяцы войны Зина первая отстала отъ прежняго темпа своей жизни. Можетъ быть, потому все войдетъ въ колею. А пока — не сшила себѣ ни одного платья, не купила осенней шляпки, не возобновила абонемента въ симфоническіе; ничего не читаетъ (кромѣ газетъ конечно), даже обѣдъ заказывать лѣнь, — хорошо, что Дуня сама придумываетъ.

Рѣшительно не знала бы Зина, какъ жить, если-бъ знакомые иногда не заходили, сочувствующіе и навѣщающіе по вечерамъ, да если бы телефонъ не звонилъ почти такъ же часто, какъ и прежде. Можно хоть поговорить о событіяхъ, о томъ, о другомъ.

День же положительно не знаетъ Зина, чѣмъ наполнить. Занять никакихъ безъ мужа нѣтъ, ни дѣлъ. Еще хорошо, что такъ рано темнѣетъ. При электричествѣ какъ-то легче бродить по полуосвѣщеннымъ комнатамъ, въ пеньюарѣ, поджидая „вечерку“ или какойнибудь новой „сенсаци“ по телефону.

До войны Зина первая рѣдко появлялась на кухнѣ Зину вторую видала только мелькомъ, когда она приходила къ Глашѣ въ гости. Теперь же часто, особенно въ сумеркахъ, или когда вечеромъ никого нѣтъ, заходитъ Зина первая на кухню и долго опершись на большой столъ локтями просиживаетъ въ бесѣдахъ о „событіяхъ“ съ Дунею Глашею.

Забредетъ Зина первая на кухню и часто заста тамъ Зину-прачку: пришла гладить или, если это празднично и просто въ гости къ своей кумѣ, зининой горничной Глашѣ.

Ну, конечно, когда Зина вторая гладитъ или такъ пришла, то Зина первая заговариваетъ и съ нею, разспрашиваетъ о томъ, о другомъ, о дѣтяхъ, о Дмитріи, о посещеніи попочительства, о квартирѣ и о пивной, которую Зинѣ второй пришлось закрыть со времени ухода мужа.

Зинаидица привыкла понемногу къ барынѣ. Прежде бо лась и, когда барыня входила въ кухню, Зина вторая шарахалась въ людскую.

— Кто это тамъ? — спрашиваетъ барыня тревожно.

Боятся, что приняли какуюнибудь чужую, отъ которой не знаешь, чего ждать можно.

— Это — моя кума, Зина, — говоритъ горничная Глаша. И барыня Зина успокаивается. Зоветъ.

— Зина, что вы прячетесь, идите сюда.

И Дуня говоритъ важно, чувствуя себя хозяйкою на кухнѣ:

— Иди, иди, Зина, барыня у насъ — добрая. Твоя тетка Зинаида Валерьяновна. Не обидитъ.

Зина вторая выходитъ и робко жметъ у дверей. Зинаидица бавно, что она — такая большая и такъ робѣетъ передъ маленькою барынею съ почти дѣтскимъ личикомъ. Но барыня Зина говоритъ съ нею ласково, и Зина вторая понемногу перестаетъ робѣть, подходитъ поближе.

— Ну что, Зина, какъ мужъ?

Зинаидица отвѣчаетъ степенно:

— Да что, извѣстно, поѣхалъ.

— Уже? Что-жъ, провожали? — спрашиваетъ участливо барыня.

— Все честь честью. Сначала снаряжали Дмитрія, — Царскомъ стояли долго, — по порядку обскаживаетъ Зина.

— Ну, какъ тамъ ихъ держали? Хорошо? — торопитъ спросить Зина первая.

Ей всегда скучно, когда долго говорятъ другіе, и потому она разбиваетъ чужую рѣчь хоть вопросами.

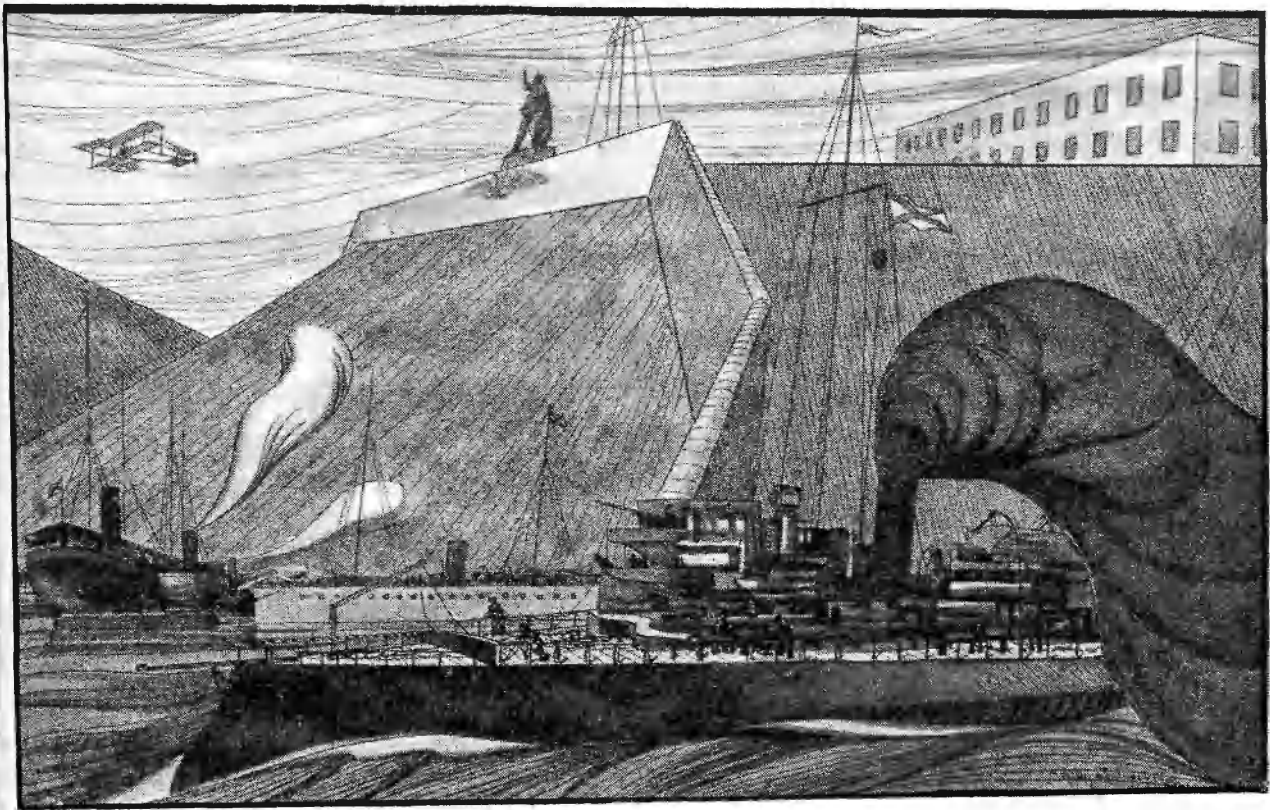
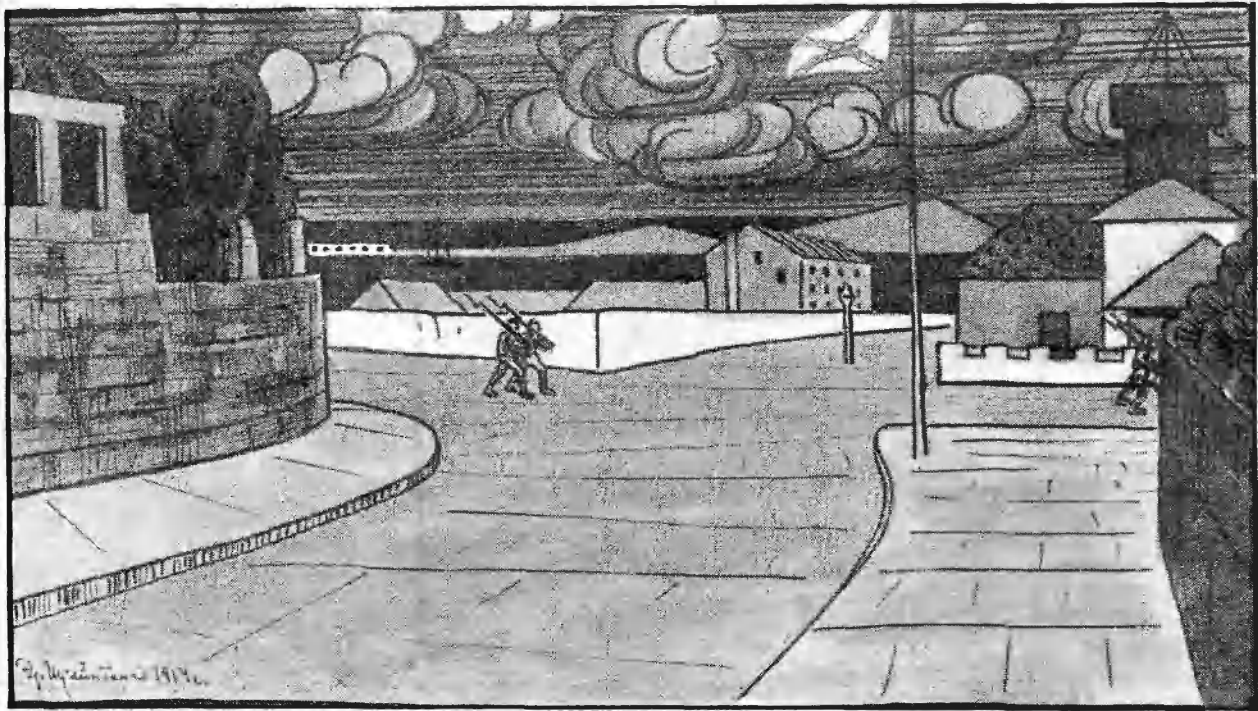
— Все, какъ слѣдуетъ. Обѣдать мы, бабы, къ нимъ въ казармы ходили, — щи хорошія, макароны, каши и дѣтя можно захватить домой. Иногда и дѣтей возьмешь. Рѣдко, больше дома оставяла.

— На сосѣдокъ?

— Каки-таки сосѣдки! На замокъ замкну, сидятъ дома.

— А вдругъ пожаръ?

— Богъ милостивъ. Ну, потомъ поѣздъ проводили, —

*Видѣнія художника: морская база.
Рисунки Э. Штейнберга.*

версту шля за нимъ. Одежда тоже у нихъ хорошая: и кушакъ, и сапоги, и шинель хорошаго сукна. Къ Рождеству назадъ общался, дѣвченкамъ гостинцы посулилъ.

— Къ Рождеству! Скоро хочешь, — печально говоритъ Зина.

Зинаидица увѣренно мотааетъ головою.

— Ну вотъ, чего не вернуться! Не вѣкъ съ вѣмцемъ драться. Только бы въ плѣнъ не давался, — пишутъ, вѣмцы ихъ добиваютъ.

(Зинаидица аккуратно читаетъ уличную газетку и вѣрять конечно слѣпо каждому ея слову.)

Барыня Зина досадливо краснѣетъ за вѣмцевъ и говоритъ:

— Вы этому вздору, Зина, не вѣрьте; вѣмцы — народъ культурный.

„Впрочемъ, — думаетъ барыня, — она пожалуй не понимаетъ слова „культурный““.

И думаетъ, какъ бы лучше объяснить прачкѣ, что вѣмцы не могутъ совершать такихъ звѣрствъ. А Зина спокойно продолжаетъ:

— Я ему такъ и сказала: „Митя, живымъ не давайся, лучше самъ съ полсотни вѣмцевъ положи“. Теперь письмо пришло, когда въ бою побываешь, а сѣмой писать нечего. Да онъ такъ и сказалъ: „Ну, вы, бабы, не ревѣте, не до васъ теперь. Какъ побѣдъ застучитъ, такъ и забудемъ о васъ, у васъ свои дѣла, мужскія, о васъ и думать некогда“. Можетъ быть, это онъ и такъ. При прощаніи ужъ больно Глаша и сестра Катя скулили.

Барыня Зина говоритъ:

— Вы бы, Зина, къ намъ дѣвочекъ приводили, чѣмъ ихъ на замкѣ держать.

Зинаидица степенно благодаритъ. Двѣ дѣвочки время отъ времени появляются на кухнѣ. Онѣ — смиренныя, одѣты чистенько и кажутся барынь довольно забавными.

Понемногу привыкаеть Зинаидица къ барынь. Уже не бонится, не шарахается прочь, — барыня войдетъ, Зина вторая степенно кланяется. Говоритъ чинно:

— Здравствуйте, барыня. Какъ ваше здоровье, барыня? Что о баринѣ слышно? Письма писать?

Все выслушаетъ, что барынь интересно. Ногомъ проситъ Дмитріево письмо прочесть.

Пишетъ Дмитрій не часто, коротко, ласково. Много ласково, чѣмъ говорилъ, когда былъ здѣсь.

„Въ первыхъ строкахъ шлю любезнѣйшей супругѣ нашей Зинаидѣ Степановнѣ съ любовью низкій отъ неба до сырой земли поклонъ. Драгоценнымъ дѣточкамъ нашимъ, Шурѣ и Олечкѣ, — родительское благословеніе, навѣки ненарушимое. А еще извѣщаю любезную мою супругу, что побывали мы въ семи бояхъ и вѣдѣ, благодаря Господу, ранены не были. Дерутся вѣмцы храбро, однако въ плѣнъ намъ досталась куча немалая. И всякаго добра у нихъ напасено много, такъ что куръ и гусей ихнихъ наѣлись влосталъ“.

Послѣднее письмо Дмитрія было всѣхъ короче:

„Семь дней въ окопахъ находились... Не надо вамъ знать о горестяхъ нашихъ, а только о радостяхъ, о побѣдахъ. Надвигъ ждемъ большого боя“.

Разсказываетъ Зина первая о вычитанномъ изъ газетъ и изъ писемъ Владимира Николаевича (о войнѣ онъ впрочемъ почти не шлетъ, — конспирируетъ, о дѣлахъ все болше), о дорожающей жизни, о томъ, какъ всѣ стали рано ложиться спать и мало выѣзжать.

Больше же и чаще всего говорятъ и даже спорять о томъ, когда кончится война. Зина вторая увѣрена, что „къ

Пасхѣ“; Зина первая покачиваетъ головою. Въ душѣ увѣрена, что война — затяжная, но не говоритъ этого, только уклончиво вздыхаетъ. Говоритъ:

— Гдѣ-то будемъ на дачѣ жить, на побережьи не дается.

— А почему, барыня, не придется? — спрашиваетъ селая Глаша. — Тамъ хорошо, у эстонцевъ-то. Народъ смелый, и опять же море близко, — купаться ужъ такъ хорошо.

У Глаши есть тамъ милъ сердечный другъ, садовникъ Карлъ, ея кавалеръ на всѣхъ танцевальныхъ вечерахъ. Войну его еще не взяли, онъ — ратникъ второго разряда. Глашѣ хочется думать, что его и не возьмутъ, что война кончится скоро, что господа опять поѣдутъ туда же и трогательный и очаровательный романъ съ чувствительнымъ и любезнымъ Карломъ придетъ къ благополучному окончанію.

— Ну, какъ же, — отвѣчаетъ барыня Зина. — Если война не кончится, какъ тамъ жить? Вѣмцы по морю на своихъ корабляхъ могутъ подойти.

Зина вторая смѣется и увѣренно говоритъ:

— Вы, барыня, ничего не бойтесь. Ужели же на вѣмца суда подпустить. Къ лѣту вѣмцу капуть будетъ. Идете себѣ на свою прошлогоднюю дачу.

— Нѣтъ ужъ, — упрямо и уныло повторяетъ Зина. — У меня ли придется.

Да, онѣ — совсѣмъ разные во всемъ, эти двѣ Зины.

Зинѣ первой кажется, что „все переѣнилось“, ну и все рѣшительно, вплоть до стѣнъ и выражений физиономіи не только у людей, но и у лошадей, и все будетъ мѣняться еще больше и рѣзче. Она оплакиваетъ гибель многихъ, а побѣдъ ей не мечтаетъ. Ей жаль и германцевъ. — они здоровыя, веселыя, культурныя, и на очаровательныхъ берегахъ Рейна провели онѣ съ Ва-одей свой медовый мѣсяцъ.

Зинѣ первой кажется, что никакого моста между старой и новой жизнью, когда Ва-одя (такъ передразниваютъ знакомые), такой увѣренный и милый, былъ здѣсь, рядомъ и той, новой, неизвѣстной и тревожной, безъ него, — нѣтъ не можетъ быть. Нѣтъ какъ-то ни въ чемъ увѣренности нѣтъ плана жизни, жизнь течетъ отъ письма до письма, отъ газеты утренней до вечерней, — странная такая жизнь, точная маякъ при полупотушенныхъ огняхъ. Прежде же день кипѣлъ за днемъ, какъ на рельсахъ — выѣзды, гости, театры, кружокъ адвокатскій...

А Зина вторая говоритъ:

— Вотъ только бы зиму Богъ далъ перебиться, а весной калоши и пальты дѣвочкамъ справить.

— Весна! — думаетъ Зина первая. — Неужели опять весна настанетъ, сирень зацвѣтетъ, будутъ ландыши, бѣлыя ночи. А какъ же Ва-одя? Его со мной не будетъ? Какъ же я?

И не уйдутъ изъ памяти два послѣднія счастливыхъ дня на Финскомъ побережьи. Море тихое, ласковое, спокойное, „незабудковаго“ цвѣта. Погода жаркая, безвѣтренная. Стройные ряды сосенъ въ лѣсу. Фантастическіе закаты видны прямо съ балкона. Въ бѣлыя ночи часто вдвоемъ просиживали на берегу до восхода, пока на горизонтѣ не сверкнетъ багровая точка, — словно затлѣется спичка, брызгнетъ гдѣ-то далеко. Спать не хотѣлось. Иногда брали утрѣмъ лодку и ѣхали въ море. Море весело плескалось дыша утреннею вѣткою и свѣжестью. Ва-одя плѣлъ — у него голосъ отличный. Какъ хорошо было! Какъ красиво!

Теперь какъ все это далеко! Какъ затмилось это мирное уютное бытіе всѣмъ этимъ новымъ, невѣдомымъ, тревожнымъ.

Понечительства, лазареты, кружечные сборы, „дни“. Вѣ

Французский бивуак на городской площади.

якакомыя шьютъ бѣлье, вяжутъ шарфы, куда-то ходятъ, спѣ- шать, чѣмъ-то заняты.

Зина первая еще никуда не пристроилась. Все еще только собирается съѣздить въ лазаретъ ва-одныхъ това- ричей. Оттого что всѣ ея подруги куда-то разбрелись, — или сестры записались, или работаютъ въ попечительствахъ, — ей и неловко, и скучно. По прежней привычкѣ встаетъ Зина поздно и никуда поспѣть не можетъ. Да и нездоровится съ самаго володина отъѣзда, — то простуда, то сердце, то жарень отчаянная.

Зинаидища же не унываетъ нисколько. Дѣвочки часто приходятъ съ нею, сидятъ въ кухнѣ въ опрятныхъ платьяхъ. Ждутъ своего „паплю“ къ Пасхѣ. Мать ихъ обмы- ваетъ и обливаетъ, и порой Зина первая даже завидуетъ ей, хоть бы забота у нея была такая.

Событія идутъ своимъ чередомъ. Зина вторая стала при- ходить задумчивая.

— Ну, что новаго, Зина? — спрашиваетъ барыня Зина.

— Да что, барыня, пожалуй убили моего Дмитрія, — го- воритъ Зина вторая, — солдатъ одинъ раненый вернулся изъ полка, сказывалъ, многихъ убили, и моего не досчитались. Не то убитъ, не то раненый нѣмцу достался.

Кухарка Дуня сурово говоритъ:

— Плакать нечего. Мало онъ тебя колонимятилъ?

— Ничто, — говоритъ Зинаидища и плачетъ. — Никогда такъ не попрекнулъ ничѣмъ, — добрый.

И оттого, что она — такая большая, ея слезы кажутся особенно жалкими. Зина первая утѣшаетъ ее, какъ умѣетъ.

— У меня тоже мужъ на войнѣ, — говоритъ она.

Зина вторая всхлипывая мотаетъ головою и говорить низкимъ и глухимъ отъ слезъ голосомъ:

— Вамъ, барыня, ничто. Онъ у васъ въ штабѣ, ба- ринъ-то вашъ. Его не убьютъ. Вернется. А вотъ моего-то соколика никогда ужъ я не увижу.

Кухарка Дуня говоритъ:

— Дастъ Богъ, и твой вернется. Еще онъ тебѣ косы потреплетъ.

А сама достаетъ вечеромъ барынѣ карточку Дмитрія. Ог- ромный — косая сажень въ плечахъ — хохоль, съ добродуш- лѣйшимъ лицомъ и гармоникой въ рукахъ.

— Красавецъ, — поясняетъ Дуня.

Постомъ Зинаидища пропала, словно въ воду канула. До того все бодрилась, бѣлье на попечительство шила, хло- потала о дѣтяхъ, справила имъ теплую одежду, валенки, о приютѣ подумывала, да жаль стало маленькую Олечку отда- вать. Ужъ чуть не въ качунѣ масленицы пришла она подъ вечеръ тихая, съ окаменѣлымъ лицомъ.

Зина первая вошла въ кухню. Такъ было тихо, такія суровыя у всѣхъ лица, что ей стало жутко.

— Что, Зина? — спросила барыня. — Есть новости отъ Дмитрія?

Зина вторая, неторопливо роняя слова, говоритъ:

— Сходила на Караванную. Справку навела.

— Ну и что же?

— Ну, что-жъ, — убили моего Дмитрія.

Только вздохнула, — ни слезинки, ни слова.

Индійскія вонска.

Разахалась Зина, заплакала, дала ей три рубля на поминь души. А сама удивляется:

„Словно не ея мужа убили. Странные, право, эти люди“.

Ни истерикъ, ни рыданій, ни причитаній. Нѣтъ, воть если бы Владимира Николаевича убили,—да она, Зина первая пожалуй съума сошла бы.

— Господи, куда я теперь съ дѣвченками дѣнусь?—говоритъ Зина вторая.— Не будь ихъ—въ сидѣлки хоть завтра беруть. Съ квартиры гонять, хоть къ попечителю опять иди...

Вдругъ Зинѣ первой приходитъ въ голову:

— Послушайте, Зина, отдайте мнѣ вашихъ дѣвочекъ. У меня имъ лучше будетъ.

Зина вторая степенно подходитъ къ барынѣ и низко ей кланяется. Дуня смотритъ сурово на нихъ обѣихъ. Думаетъ о чемъ-то своемъ, но молчитъ. А Зинаидица причитаеъ обычныя слова:

— Богъ васъ не оставитъ, барыня-голубушка. Онъ вамъ пошлетъ за ваше доброе дѣло.

— Завтра же и приводите,—говоритъ Зина первая

И поспѣшно выходитъ изъ кухни. Невѣдомое ей чувство нѣжности, заботы о комъ-то другомъ, умиляетъ ее. Все же и въ квартирѣ повеселѣе станетъ.

А суровая Дуня шепчетъ Зинѣ второй:

— Ну, и дура. Возьметъ барыня твоихъ дѣвченокъ, а

надоѣдятъ онѣ ей, она изъ тебѣ опять отдасть. А онѣ между прочимъ набалованы будутъ.

— Сама знаю,—отвѣчаетъ Зинаидица,—да вѣдь я пока только, пока не обойдусь, не пристроюсь. Неужто съ легкимъ сердцемъ отдамъ... А пока пущай побалуется,—дѣлать-то ей нечего, пусть хоть съ моими дѣвченками займется.

— Только ты имъ накажи,—шепчетъ Дуня,—чтобъ онѣ барынѣ не налоѣдали и въ комнатахъ не липли. Чуть что, пусть сюда, въ кухню, обѣгутъ. Все у своихъ теплѣе.

— Да ужъ что и говорить, теплѣе,—соглашается Зинаидица, смахивая слезы.—Ужъ ты, Дунечка, только ихъ не затуркай... Олечкѣ вѣдь второй годикъ только... И плачетъ.

На другой день привела обѣихъ—Шуру и Олечку. Опять низко поклонилась барынѣ:

— Ужъ вы не обезсудьте, барыня, если онѣ что не такъ. Не по-господски рощены, извѣстно простыя. А только онѣ у меня ласковыя, въ покойника. Смотрите у меня, дѣвченки, барыню слушайте. Ну, благодарите, цѣлуйте ручку.

Двѣ дѣвченки, какъ двѣ обезьянки, кланяются разомъ, подходятъ вперевалку къ барынѣ и тыкаются въ ея нѣжную, маленькую ручку красными, холодными носами. Барынѣ Зинѣ забавно и неловко. Она еще и сама не знаетъ, что ей дѣлать съ этими двумя обезьянками.

— Пацля къ Рождеству прѣдетъ,—упрямо твердитъ Олечка.

Анс. Чеботаревская.

Г. Р—НОВИЧЪ. (О. Ларинъ.)

ЛИССАБОНСКОЕ ЗЕМЛЕТРЯСЕНІЕ И ТРЕЛИ СОЛОВЬЯ.

На прокуроровъ и адвокатовъ разбились наши критики. И все по одному поводу: война и литература.

Вопросъ дѣйствительно интересный. Даже не вопросъ, а цѣлый рядъ вопросовъ. Что воспѣвать поэтамъ нашихъ дней и на какой ладъ настраивать свою лиру? Вправѣ ли они отвлечься отъ „злой обычности“, пренебречь „предметами предметнаго міра“, какъ то проповѣдывали до войны, и по старому, весьма романтическому, рецепту Фета провозгласить, что тотъ—не поэтъ, кто не въ состояннн броситься съ седьмого этажа внизъ головой съ непоколебимой вѣрой въ то, что онъ воспаритъ по воздуху? Или, наоборотъ, правъ былъ Полонскій: „Писатель, если только онъ—волна, а океанъ—Россія, не можетъ быть не потрясенъ, когда возмущена стихія“? Больше того—не только „не можетъ быть“, но и не долженъ, совершаетъ преступленіе, если „можетъ“.

Къ какому же изъ этихъ двухъ береговъ пристать, какой избрать путь? Конечно легче всего сказать: „дорогою свободной иди, куда влечетъ тебя свободный умъ“. Но если умъ заблудился въ злой обычности жизни и, стѣсненный своею свободой, жаждетъ желѣзной рѣшетки? И какъ отвергнуть тѣхъ, кто требуетъ полнаго отказа отъ чистаго творчества во имя строгихъ велѣній практической жизни? Какъ защищать свое право на творчество?

Всѣ эти вопросы встаютъ и не могутъ не встать и предъ художниками нашего времени, и предъ тѣми, кто живетъ одной жизнью съ ними. Прописываніемъ опредѣленнаго рецепта въ формѣ тѣхъ или иныхъ пожеланій не отдѣлаешься. Отвѣтить на вопросы надо прежде всего принципиально, отвѣченно, а потомъ уже подойти къ нимъ практически, съ точки зрѣнія того, что дада и даетъ намъ современная художественная литература. Для принципиальнаго же рѣшенія вопроса можно съ успѣхомъ замѣнить—для нѣкоторой большей наглядности—войну любимымъ колоссальнымъ общественнымъ колебаніемъ, ну, хотя бы... землетрясеніемъ.

„Положимъ, что мы переносимся въ восемнадцатое столѣтіе, именно въ день лиссабонскаго землетрясенія. Половина жителей въ Лиссабонѣ погибаетъ, дома разваливаются и проваливаются, имущество гибнетъ, всякій изъ оставшихся въ живыхъ что нибудь потерялъ—или имѣніе, или семью. Въ Лиссабонѣ живетъ въ это время какой нибудь извѣстный поэтъ. На другой день утромъ выходитъ номеръ лиссабон-

скаго „Меркурія“. Номеръ журнала, появившагося въ такую минуту, возбуждаетъ даже нѣкоторое любопытство въ лиссабонцахъ, несмотря на то, что имъ въ эту минуту не до журналовъ; надѣются, что номеръ вышелъ нарочно, чтобы дать нѣкоторыя извѣстія о погибшихъ, о пропавшихъ безъ вѣсти. И вдругъ—на самомъ видномъ мѣстѣ листа бросается всѣмъ въ глаза что нибудь вродѣ слѣдующаго:

«Шепоть, робкое дыханье,
Трели соловья,
Серебро и колыханье
Соннаго ручья.

Въ дымныхъ тучкахъ пурпуръ розы,
Отблескъ янтара,
И лобзанія, и слезы,
И заря, заря!».

Не знаю навѣрно, какъ приняла бы свой „Меркурій“ лиссабонцы, но мнѣ кажется, что тутъ же казнили бы всенародно, на площади, своего знаменитаго поэта, и вовсе не за то, что онъ написалъ стихотвореніе безъ глагола, а потому, что вмѣсто трели соловья наканунѣ подъ землей слышались такія трели, а колыханіе ручья появилось въ минуту такого колыханія цѣлаго города, что у лиссабонцевъ не только не осталось охоты наблюдать

„Въ дымныхъ тучкахъ пурпуръ розы“

или

„Отблескъ янтара“,

но даже показался слишкомъ оскорбительнымъ и не братскимъ поступокъ поэта, воспѣвающаго такія забавныя вещи въ такую минуту ихъ жизни. Поэта-то они бы казнили, а черезъ тридцать, черезъ пятьдесятъ лѣтъ поставили бы на площади памятникъ за его удивительныя стихи вообще, а вмѣстѣ съ тѣмъ и за пурпуръ розы въ частности“.

Такъ фантазировала въ журналѣ „Время“ слишкомъ пятьдесятъ лѣтъ назадъ, разрѣшая вопросъ о „современности“ искусства, Достоевскій. Но вѣдь, по существу, этотъ полативннйся жизнью несчастный лиссабонскій поэтъ многое можетъ уяснить и въ нашей жизни, и въ переживаемомъ всѣми нами „лиссабонскомъ землетрясеніи“.

Правда, съ того времени во многомъ „vous avops spangé tout cela“ (по-французски вѣдь можно разговаривать!), и

нѣкоторые наши поэты, вмѣсто „шепота и робкаго дыханія“, предпочитаютъ „пройтись по Морской съ шатенками“, а „пурпуръ розы и отблескъ янтаря“ смѣнили на „сѣвки съ пѣвками и за десертомъ кремъ“, но по существу все тотъ же вопросъ о соотношеніи искусства и жизни, вѣрнѣе—утилитаризма въ искусствѣ, „предписыванія искусству цѣлей“, какъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ Достоевскій, встаетъ въ наши дни съ не меньшей, если не большей остротой, чѣмъ пятьдесятъ лѣтъ назадъ.

Могутъ ли раздаваться во время землетрясенія трели соловья? Можетъ ли поэтъ служить мессе своей дульциней—красотѣ—во время народнаго потрясенія? Въ Лиссабонѣ, въ восемнадцатомъ столѣтіи, поэтъ сдѣлалъ такую попытку и, поплатившись жизнью, все же памятникъ воздвигъ себѣ верукотворный. Такъ не проникнемъ ли мы уваженіемъ хотя бы къ этому памятнику и нашихъ поэтовъ, по духу родственныхъ лиссабонскому, не заставимъ насильно молчать?

Само собою разумѣется, что этимъ мы отвѣтимъ только на одну часть поставленныхъ вопросовъ. Какъ однако быть тѣмъ, которые, въ силу той же художественности натуры своей, въ самыхъ событіяхъ почувствуютъ источникъ творчества и, вдохновляемые ими, создадутъ шедевры искусства? Конечно о нихъ говорить не приходится: такихъ побѣдителей никто и судить-то не посмѣетъ.

Но зато судить, и судомъ строгимъ, нелицеприятнымъ, надо тѣхъ, кто, въ тонъ моменту, не искусствомъ, а искусственно приобщился къ тому, что показалось ему переживаніями народными. Кто не захотѣлъ ждать и въ страхѣ куда-то и въ чемъ-то опоздать посвѣщавъ настроить свою лиру на торжественный и негодующій ладъ и въ дешевой риторикѣ потопилъ послѣдніе остатки своего дарованія. Не многое спросится съ того, кто попросту дѣлаетъ лишь то, что ему по слабымъ силамъ: „я еле сознаться смѣю, но съ грустью зрѣетъ во мнѣ благодарность войнѣ“. Но никогда не простится тѣмъ, кто еще недавно *urbi et orbis* провозглашая на литературныхъ диспутахъ отрѣшенность литературы,—„искусство для искусства“,—смерть быту во имя отвлеченнаго символизма и отвергая всякое вмѣшательство „общественности“ въ искусство, вдругъ круто перемѣнили фронтъ и безъ боя сдали свои позиціи:

«Здѣсь не надо мечтать, ни къ чему размышлять
О тихомъ часѣ.
Ни одна изъ богинь не сойдетъ погулять
На Фридрихштрассе.
И на что бы могла простереть свою власть
Мечта въ Берлинѣ?
Нѣтъ, я даже готовъ и природу проклясть,
Идя in's otium».

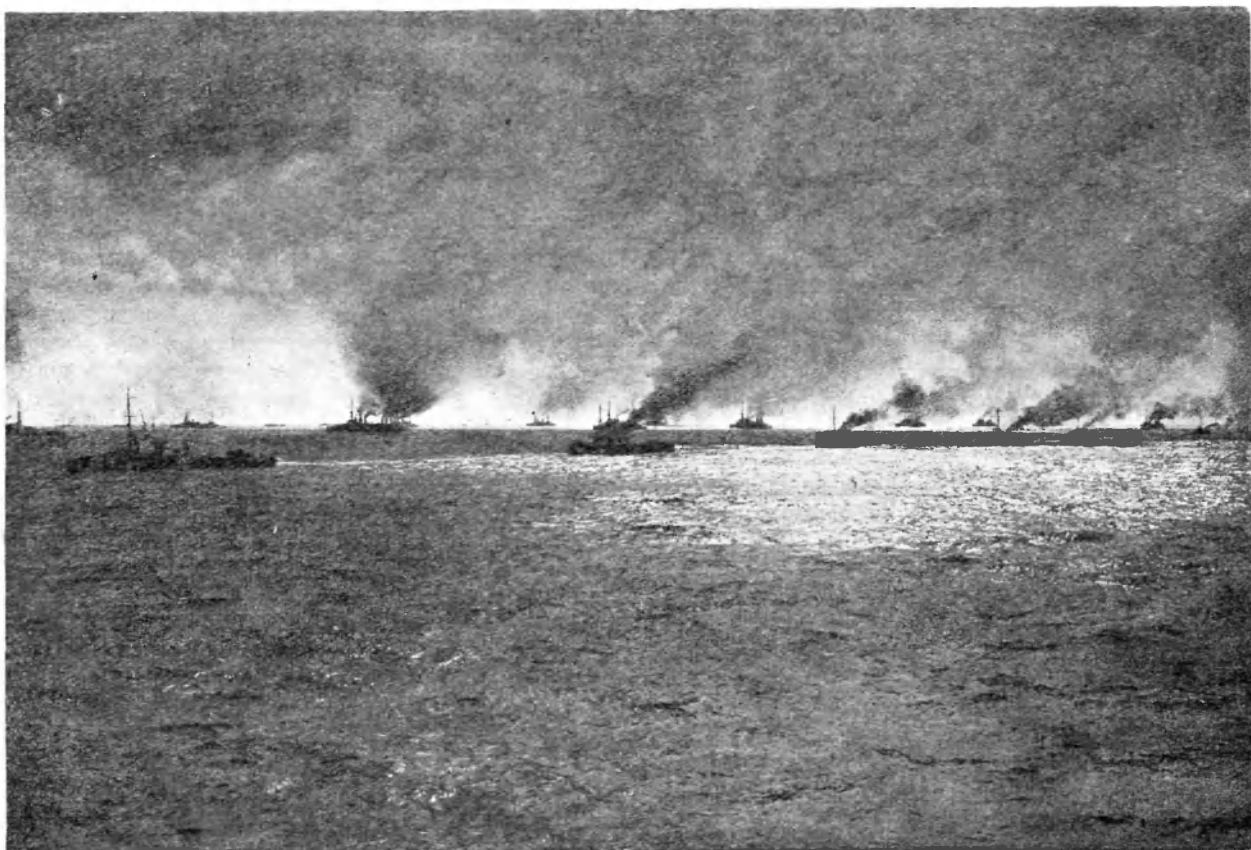
Такъ недавно еще утверждалъ тотъ же писатель, что „никакихъ нѣтъ фабулъ и интригъ, и всѣ завязки давно завязаны, и всѣ развязки давно развязаны и только въ пая совершается литургія; и какія же темы?—только любовь и смерть“. Не только утверждалъ, но и всю жизнь поклонялся своему утвержденію, создалъ „творимую легенду“ изъ „куска жизни“ и другъ:

«То, что было блескъ ума,
Облеклося тусклою рутиной,
И Германія сама
Стала колоссальною машиной».

Что же—радоваться тому, что „кусочекъ жизни“ одержалъ побѣду надъ „творимой легендой“, живая жизнь надъ мертвящимъ холодомъ отвлеченнаго символизма? Я никогда не былъ поклонникомъ замкнутого въ себѣ эстетизма, на мѣренно рвавшего всякую связь съ жизнью, и всегда искалъ въ искусствѣ того „общефилософскаго вывода изъ события средней человеческой жизни“, о которомъ говорилъ когда-то Гюи-де-Мопассанъ, но все же предпочелъ бы, чтобъ жизнь такой побѣды надъ художниками не одерживала. Не вѣрю я въ эту побѣду—прежде всего. И думаю, что наврядъ ли кто набудъ изъ читавшихъ военные стихи нашихъ современныхъ поэтовъ повѣрить въ эту побѣду. Не переродились наши поэты, не ощутили вдругъ почвы подъ собою, а сдѣлали видъ, что ощутили, или, въ лучшемъ случаѣ, захотѣли на мигъ ощутить. Шатовъ не вѣрить въ Бога, но онъ... будетъ вѣрить. Не знаю конечно, какъ будетъ. Многие изъ нашихъ поэтовъ еще не сказали своего слова, но пока „лиссабонское землетрясеніе“ въ области искусства свершило злое дѣло: трели нашихъ „соловьевъ“ зазвучали по-бутифорски врѣвливо и искусственно.

І. Р—новичъ. (О. Ларинъ.)

Англо-французскій флотъ въ Средиземномъ морѣ

А. М.

КАЮЩИЕСЯ ИНТЕЛЛИГЕНТЫ,

Уже давно исчезли кающіеся дворяне, но ихъ мѣсто заняли „кающіеся интеллигенты“.

Для этихъ кающихся наши страшные дни оказались днями великой радости. Давно состоящій въ ихъ рядахъ Н. Бердяевъ свидѣтельствуетъ, что они „пережили мгновенья радостной вѣры, что наступалъ конецъ старымъ раздѣленіямъ, что нѣтъ больше правыхъ и лѣвыхъ“.

Н. Бердяевъ серьезно убѣжденъ, что „раздѣленія“ происходятъ отъ доктринерства. Какъ ни странно, но приходится констатировать, что въ своемъ пониманіи „раздѣленій“ Н. Бердяевъ самъ не свободенъ отъ „доктринерства“.

Всякое доктринерство вредно, но вреднѣе всѣхъ доктринеры, строящіе свои доктрины на пустомъ мѣстѣ. Кающіеся интеллигенты такимъ именно доктринами и пробаваются.

Кающіеся дворяне оставались, несмотря на свои покаванія, дворянами. Точно такъ же и кающіеся интеллигенты не перестали быть интеллигентами, а только утратили ту связь съ дѣйствительностью, которою жива интеллигенція вераскаянная. При этихъ условіяхъ никакихъ иныхъ доктринъ, кромѣ пустопорожнякъ, у нихъ явиться не можетъ.

Они не слышатъ простого, и въ простотѣ своей глубоко-

мудраго, голоса общественности. Оттого-то „раздѣленія“ и представляются имъ чѣмъ-то мелкимъ, незначущимъ. На мѣсто доктринъ, выдвинутыхъ жизнью, они съ легкостью готовы поставить свои „мудрованія“.

Мертвое „мудрованіе“ безвредно, если оно не соблазнительно, если его духъ не заражаетъ и не разлагаетъ живого. Но кающіеся интеллигенты—въ силу своей оторванности отъ реальныхъ задачъ жизни (они называютъ эту оторванность „свободой“) — могутъ создавать „интересное“, „красивое“, „глубокое“ совершенно безответственно. Тутъ нетрудно появиться новой мудрости, выдуманной, но соблазнительной. И если нѣкоторые изъ кающихся предпочитаютъ обращаться къ болѣе несомнѣнной старой мудрости,—это дѣлаетъ честь ихъ вкусу. Положимъ, имъ приходится выдумывать какое-то новое оправданіе старыхъ идеаловъ, чтобы удержаться въ позиціи „ни праваго, ни лѣваго“; а кто доходитъ до подлиннаго пріянія стараго безъ выдуманныхъ оправданій, тотъ уже не безразлично относится къ „раздѣленіямъ“, а опредѣленно тяготеетъ къ правому.

Н. Бердяевъ справедливо говоритъ: „Все плоскостное есть лишь проекція глубиннаго и внутренняго, сокровеннаго

и зримаго“. Изъ этой истины однако не слѣдуетъ, будто плоскостныя раздѣленія — „только видимость“. Напротивъ, если плоскостное — проекція сокровеннаго, то не кажется ли оно „видимостью“ тому, кто чуждъ глубинному?

Интеллигенція грѣшила тѣмъ, что видѣла только проекціи, не осознавая сокровеннаго въ глубинѣ. Этотъ грѣхъ конечно отразился на самой ихъ работѣ въ „плоскостномъ“. Но, не сознавая умомъ, интеллигенты въ дѣлахъ своихъ, въ самомъ принятіи внѣшнихъ раздѣленій, обнаруживали свою причастность внутреннему, незримо му.

Если бы именно въ этомъ грѣхѣ своемъ, т. е. въ недостаточномъ осознаніи глубинъ, скрытыхъ за внѣшнимъ, каіяся интеллигенты — покаяніе ихъ имѣло бы цѣну. Это было бы прозрѣніемъ. Но — увы! — не въ томъ каются Бердяевъ и ему подобные. Они сожалѣютъ о вниманіи, которое удѣляли вся-

кимъ „плоскостностямъ“, они отрицаютъ по существу то, что еще утверждаютъ словесно. И не „проекція въ глубинное“ для нихъ „плоскостное“, а что-то ненужное, неважное, малозначительное. Поэтому и „раздѣленій“, начинающихся, правда, съ поверхности, но уходящихъ въ глубину, для нихъ нѣтъ. Поэтому и сама глубина ихъ — не настоящая, а воображаемая глубина. Въдѣ действительность — не одно явное (плоскостное) и не одно сокровенное (глубинное); она — оба вмѣстѣ. Кающіеся интеллигенты разорвали связь, уничтожили дѣйствительность. Страшно покаяніе! Новый грѣхъ, а не покаяніе. И они получаютъ то, что заслужили: остаются на пустыхъ мѣстахъ со своими доктринами. Не хотятъ считаться съ дѣйствительностью — за то и жизнь, дѣйствительность, не считается съ ними.

А. М.

Евгеній Делакруа. (1798—1863.) Рисунокъ.

ВѢСТИ И МНѢНІЯ.

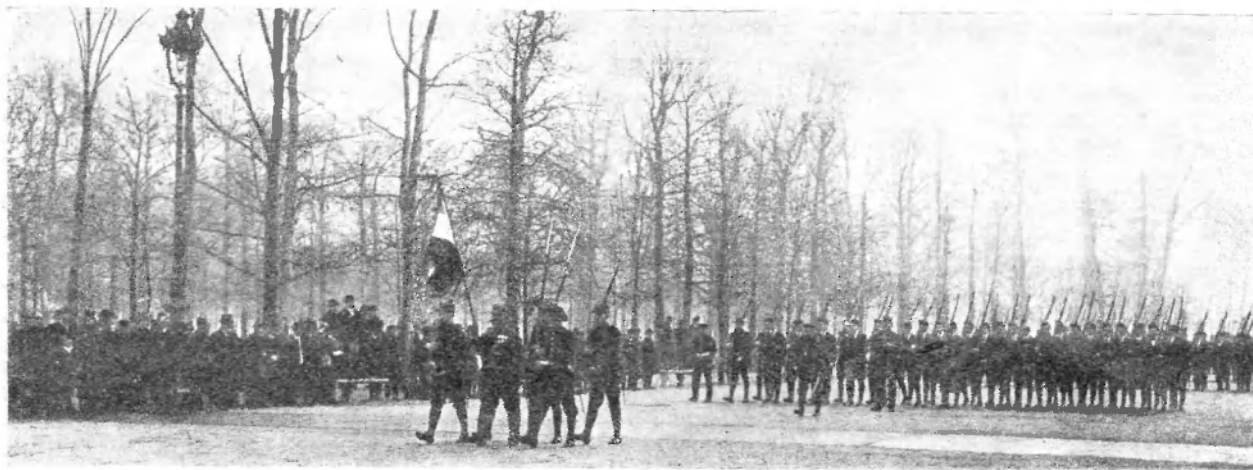
„Зеленое кольцо“.

Было бы очень любопытно послѣ перваго представленія „Зеленаго кольца“ З. Н. Гиппиусъ задержаться, какъ въ гоголевскомъ „Театральномъ развѣздѣ“, гдѣ нибудь на лѣстницѣ или въ кулуарахъ, профильтровать мимо себя всю публику и послушать, что говорятъ о пьесѣ. Ну, что скажетъ та часть премьерной публики, которая расходится еще до конца пьесы, погруженная въ заботы о томъ, какъ бы поскорѣ достать свои пальто и калоши и попасть въ трамвай — это не особенно интересно. „Недурно“, „забавно“, „ловко придумано“, — и съ этимъ отзывомъ отлетаетъ все, что, быть можетъ, все-таки переживалось во время слушанія пьесы. Но люди, молодые душой, жадные къ новому слову, ищущіе новой правды — ихъ мнѣніе интересно и нужно. Въ пьесѣ опять поставлены всѣхъ волнующіе вопросы, разрѣшеніе ихъ — новое, захватывающее, дающее матеріалъ для безконечныхъ споровъ. И расхлывшаяся послѣ спектакля молодежь горячо спорила, доказывала вѣрность или ложность тѣхъ или иныхъ идей и мыслей пьесы, восхищалась, него-

довала. А споры, возраженія — вѣрный показатель нужности сказаннаго, точно такъ же, какъ свистки и пиканье — вѣрный показатель успѣха. Мертвая мысль не будитъ споровъ, не эволюционируетъ, а умираетъ рождаясь.

„Зеленое кольцо“ превращается въ мертвое тѣло, если судить его съ точки зрѣнія удачности и выдержанности интриги, завязки и развязки. Дѣло совсѣмъ не въ томъ, женится ли дядя Мика на Финочкѣ, или нѣтъ. И даже трагедія Финочки не центральна въ пьесѣ. Главное — въ самомъ „Зеленомъ кольцѣ“, въ содружествѣ зеленой молодежи. Оно живо и нужно именно тѣмъ, что оно зелено, что оно растеть, что оно желаетъ жить и создаетъ жизнь.

Во второмъ актѣ авторъ сразу вводитъ насъ въ обстановку „Зеленаго кольца“. Молодежь собралась у дяди Мики и жарко спорить по поводу только что прочитаннаго доклада. Члены „Зеленаго кольца“ преисполнены жаждой знанія. Сережа таскаетъ съ собой книжки о синдикализмѣ, столь дядя Мики заваленъ журналами — всѣ перелистываютъ ихъ, смотрятъ, спѣшатъ. „Нѣтъ времени“, „Мы еще — не зрѣлые, мы и спѣшимъ, такими нельзя жить“, — говорятъ они напереывъ. „Движеніе исторіи ускоряется подобно летящему камню — надо спѣшить“. И „люди скорѣе растутъ“. Нужно жить, скорѣе, скорѣе... Всѣ члены „Зеленаго кольца“ объ-

Смотрь добровольцамъ въ Тюльерискоемъ саду. (Парижъ.)

единены этой идеей; ихъ иногда дѣтски-наивныи, иногда самоудѣльными заявления дышать искренностью, заставляющей вѣрить въ ихъ правду. Вместе съ Финочкой Вожжиной, прѣхавшей къ отцу изъ Саратова, мы ошеломлены, закружены, увлечены этой спѣшкой, этимъ духомъ жизни. Финочка чувствуетъ себя вначалѣ, какъ чужая: „А я ничего не знаю, и по вопросамъ, о которыхъ здѣсь говорили, ничего еще не читала“. Она смущена: „Вѣдь мы все-таки еще — очень молодые. Отчего времени нѣтъ? Надо учиться, да время же есть“. И Финочку вводятъ въ „Зеленое кольцо“. Ей объясняютъ. И она понимаетъ. Она — молодая, настоящая, „молодая-молодая“. О, это смѣлое, гордое общество — „Зеленое кольцо“! Это — самые новые, молодые. Нарождающаяся жизнь. Они съ нескрываемымъ презрѣниемъ относятся къ старымъ, и „старыми“ они считаютъ всѣхъ, что не съ ними, и тѣхъ молодыхъ, у которыхъ уже была „своя исторія“, свое какое-то прошлое, и неудачное. „Они всѣ дряхлые или больные. Ужъ чѣмъ-то своимъ поувлекались, слабо, и бросили. И теперь они или ужъ ничѣмъ — такъ поживаютъ — ничѣмъ не интересуются, или убиваютъ себя“. „Они своихъ разныхъ писателей переживали, ну, тамъ Андреева, что ли, или какъ его? который „Санина“ написалъ? А для насъ и эти, и Писемскій, и Блинскій, и Бенедиктовъ — всѣ въ одномъ планѣ, въ историческомъ. Для изучения. „Намъ все видно“. Но „Зеленое кольцо“ молодо „не по возрасту цифровому“, а по складу, главное. Оттого подходитъ къ нимъ Борисъ, „старшій“, уже не чистый, уже вкусившій жизни, но молодой духовно.

Въ „Зеленомъ кольцѣ“ нѣтъ спора поколѣний, это — не продолженіе Чацкаго и Базарова; молодые не насканываютъ, не пристають къ старымъ со своими теоріями; Богъ съ ними, со старыми, у нихъ своя исторія, и пусть живутъ по-своему. Они относятся къ старымъ „съ милосердіемъ“. Или пользуются ими, какъ справочникомъ, какъ книгой въ милomъ жоканомъ переплетѣ. Они вѣрятъ въ себя — безъ этой вѣры нельзя творить жизнь. „Мы, дядя, въ свои силы вѣримъ. Мы не виноваты, что старые-молодые такіе, въ безспѣхъ и невѣжество. Они въ щель исторіи попали“, — заявляютъ члены „Зеленаго кольца“. Оттого и спѣшатъ, что скоро жить некому будетъ. Старые все вконецъ перенпортятъ, старые-молодые доживаютъ свою исторію, новой жизни не создадутъ. И тѣмъ хорошъ дядя Мика, „дядя, потерявшій вкусъ къ жизни“, что онъ всячески помогаетъ молодымъ создать свою жизнь. Имъ опъ ни въ чемъ не мѣшаетъ, для себя отъ нихъ

ничего не хочетъ, а разумѣниемъ жизни помогаетъ. Дядя Мика покорно признаетъ свою роль справочника, живой книги. Ему цѣнно и то, что „они“, молодые, эту книгу читать умѣютъ. И „Зеленое кольцо“ любитъ дядю Мика за это безкорыстіе. „Одинъ только есть, — говоритъ Сережа, — дядя Мика: не глупый, а и не злой“.

Финочка не можетъ опомниться послѣ перваго посѣщенія „Зеленаго кольца“. У нея въ душѣ двоятся. Новыя мысли, новая жизнь нахлынули на нее съ необыкновенной силой. Она повторяетъ обрывки фразъ, слышанныхъ ею, и, прижимаясь къ отцу, твердитъ ему: „Я такъ люблю тебя, папочка, такъ люблю“. Отецъ не понимаетъ, переспрашиваетъ, гладитъ ее по головѣ, цѣлуетъ. Что-то новое проснулось въ Финочкѣ, и она счастлива, она въ восторгѣ.

Между тѣмъ у Финочки назрѣваетъ трагедія. Мать ея давно разошлась съ отцомъ и сошлась съ другимъ. Фина почти примирилась съ этимъ. Отецъ хочетъ взять ее къ себѣ, но и у отца есть Анна Дмитриевна, мать Сережи. „Стоитъ ли мѣнять мамочку со Свиридовымъ на папочку со вдовой Лебедевой“, — грубо говоритъ Вожжину дядя Мика. Финочка слышитъ отъ прислуги намекъ о связи отца; она въ ужасѣ бѣжитъ къ нему и... натывается на объяснение съ Анной Дмитриевной. Все конечно, кажется Финѣ. Изъ муфты у нея тяжело падаетъ на коверъ револьверъ. Гимназистка Руся, ярый членъ „Зеленаго кольца“, съ презрѣниемъ смотритъ на Финочку. Финочка не поняла, значить, „Зеленаго кольца, не доросла до того, чтобы относиться къ старымъ „съ милосердіемъ“. Въ самомъ дѣлѣ, почему мамочка можетъ имѣть Свиридова, а папочка не имѣетъ права сойтись со вдовой Лебедевой? Откуда эта жестокость, эта „страшная любовь“, которая — грѣхъ? И Руся возмущена: „Это — грѣхъ такъ страшно любить. Мы ужъ такъ не можемъ любить. Такой любовью и другъ друга страшно любить, а тѣхъ, ну, большихъ, родныхъ, мы ужъ совсѣмъ такъ не можемъ теперь, безъ милосердія“. „Если-бъ мы безъ милосердія, — мы бы всѣ сторѣли. У всѣхъ что нибудь. У меня мама — художница съ настроеніями (ну, какая тамъ художница!), папа — „общественный дѣятель“. И у обонхъ свои привязанности. Что за радость, что вместе остаются, вѣдь они отъ кости. А я не сержусъ на нихъ. И люблю очень. Имъ вѣдь ничего не осталось, нашей жизнью мы имъ не дадимъ распоряжаться, — ну, и пусть въ своей, какъ могутъ; пусть любятъ съ Богомъ, кто врявится. А ты у папы хочешь послѣднее отнять, насильно; обвиняешь. За что? И Сережа...“

онъ вѣдь—это вродѣ тебя же съ твоей мамой; только онъ—умнѣе, онъ—милосердный“.

Этотъ револьверъ, эта вспышка—последняя въ жизни Фини. Она пойметъ наконецъ, что нужно „съ милосердіемъ“ относиться къ старымъ, она теперь—уже истинный членъ „Зеленаго кольца“. Но „Зеленое кольцо“ боится оставить ее, еще неокрѣпшую, одну, безъ поддержки. Начитавшіеся Тургенева и Чернышевскаго Сережа и Руся скоропалительно находятъ выходъ: выдать Финю за дядю Мику. Нужно приспособить обстоятельства, и Сережа серьезно убѣждаетъ дядю Мику: „Не настоящимъ же бракомъ. Вѣдь ясно же. Вѣшняя жизньъ требуетъ, обстоятельства такія. И вы—обстоятельство. Мы вами и пользуемся, приспособляемъ васъ. Въ шестидесятихъ годахъ такіе же браки случались, помните? А Фшѣ нельзя не помочь, она—цѣнная, она будетъ сильная“.

Водевилъ? Фарсъ? Фиктивный бракъ пожилого человѣка съ 16-лѣтней дѣвушкой—какая нелѣпость! Ахъ, Воже мой! Развѣ въ этомъ дѣло? Что доказываетъ наивная выдумка немного идеалистически настроенной молодежи?

„Зеленое кольцо“ цѣнно совсѣмъ другимъ. Молодежь „Зеленаго кольца“ наивна, увлекается несбыточными мечтами, но въ ней безмѣрная сила—сила бунта. Это—сила созидательная; рано или поздно она выявится въ реальной формѣ. „Я—ужасный буйникъ,—говоритъ Сережа въ IV актѣ.—Я больше всѣхъ ненавижу это старое общее неустройство, нелѣпость жизни, косность идиллическую, старикивскую. Власть ихнюю надъ жизнью. А только я... я сдерживаюсь. Это силы коштъ. Ну, что бы я сейчасъ началъ бунить противъ гимназіи, противъ мамы, противъ всего-всего устройства?—вѣдь все ложно, если не съ исторической точки зрѣнія смотрѣть. Ну, и сломался бы я, какъ глупый карандашъ. А ужъ если остриться,—пусть желѣзо острится“. „Взять бы это устройство, взять его, какъ есть, стать на него крѣпко обѣими ногами,—вотъ тамъ, подъ ногами, ему мѣсто. Будетъ отъ чего оттолкнуться, если прыгать. Этакъ оно и не ложное. Вѣдь для старыхъ, для вчера—оно не ложное было. Только для насъ... намъ нельзя въ немъ жить“.

Но не грѣшно ли такъ смотрѣть на „старыхъ“?—повляется вдругъ вопросъ. Отъ грѣха этого спасаетъ милосердіе. „Они насъ не понимаютъ, а мы ихъ поймемъ, и ужъ всегда съ милосердіемъ“. Старые перепортили жизнь, нужно теперь самимъ вывертываться. У „Зеленаго кольца“ есть силы—они вывернутся. И Финя спасена—она отдаетъ револьверъ дядѣ Микѣ: „Возьмите это. Мнѣ стало такъ покойно. Возьмите совсѣмъ“. Отъ соблазна, отъ преступной слабости „Зеленое кольцо“ даетъ противоядіе. „Я тогда молчала, когда говорили про тѣхъ молодыхъ, которые старые, что они себя убиваютъ. А по-моему и среди насъ есть, то есть желаніе иногда,—говоритъ Лида (II актъ).—Только вчера шла изъ гимназіи домой по лѣстницѣ, уже темно вато, и вдругъ гляжу въ пролетъ, и вдругъ такъ хочу броситься, чтобы не жить. И, главное, безпричинно“. „Да, да, это—чисто физическое,—подхватываетъ Руся.—Если душа пустая, старая и слабая, такъ съ физикой и нечѣмъ борются. А молодой душѣ не страшно. Вотъ Финюшка жива. И Лида въ пролетъ не бросилась“.

„Зеленое кольцо“ нашло какой-то выходъ. И примѣръ Фини показываетъ, что они на вѣрномъ пути. Сами они выкручиваются, но другихъ могутъ завертѣть, это—дѣло другое. И дядя Мика жалуется: „Да, завертѣли меня. Обѣдъ пропустилъ, не вѣсть чего наболтала... Это—не кольцо...

колесо какое-то зеленое. Сами вывернутся—насъ завертѣтъ. А глядѣть все-таки любопытно“.

Чуткая молодежь, умѣющая прислушиваться, умѣющая хотѣть, многое получаетъ отъ пьесы Гиппиусъ. „Милосердіе“ къ старымъ, историзмъ молодежи, это—то новое слово, которое нужно. Энергій у „Зеленаго кольца“ много, путь ихъ—вѣрный. „Мы поможемъ,—говоритъ Руся въ концѣ пьесы.—Это ли, другое ли найдемъ,—а сумѣемъ. Такъ хотимъ, такъ любимъ, что ужъ нельзя не помочь“.

И хочется въ это вѣрять.

Николай Слонимскій.

Цыганщина въ литературѣ.

Литературные „поззо-вечера“ Игоря Сѣверянина превращаются теперь въ „поззо-концерты“. Сѣверянинъ не декламируетъ уже своихъ твореній, а попросту поетъ ихъ, на вполне определенную, хотя и монотонную, мелодію, въ тонѣ ла мажоръ. Неприятно было слышать, какъ взрослый талантливый человѣкъ корчился предъ публикой и взрослые бездарные люди требовали еще и еще новотворенія этого клоунады.

Но оставимъ этотъ вопросъ въ сторонѣ. Примѣчательно, что „мотивъ Игоря Сѣверянина“ по ритмикѣ и гармоніи является типичнѣйшимъ цыганскимъ напѣвомъ съ взвизгиваніями на повышеніяхъ и хлесткими замедленіями на концѣ. „Гостинодворство“ и пошлость, таящаяся въ глубинѣ стиховъ Сѣверянина и прикрытая оригинальными вывертами, въ смежномъ искусствѣ—въ музыкѣ—выявились какъ разъ въ подходящей формѣ цыганскаго романса. И это очень характерно для творчества Сѣверянина. Цыганщина и оперетка составляютъ его основу и сущность. Вотъ отчего стихи Сѣверянина не влекутъ, не покоряютъ; они оригинальны, они вызываютъ улыбку, они забавны, но не глубоки и скоропроходящи, исчезаютъ изъ памяти такъ же легко и свободно, какъ цыганскіе мотивы, оперетка или вкусъ изысканнаго блюда. Они служатъ интересу момента и бухаютъ въ лету разомъ, безнадежно и навсегда.

Но пока Игорь Сѣверянинъ можетъ пожинать дешевые лавры успѣха. На послѣднемъ 4-мъ „поззо-вечерѣ“ залъ былъ снова полнъ; стояли въ проходахъ п неистово аплодировали. Публика, попавъ на „литературный“ вечеръ, чувствовала себя чиномъ выше, чѣмъ въ варьетѣ съ веселыми куплетистами, и шумно выражала свое восхищеніе.

ХРОНИКА.

Подъ руководствомъ одного книгопродавца изъ Хемница, призваннаго въ ряды германскихъ войскъ, въ траншеяхъ близъ Реймса устроена передвижная библиотека для солдатъ. Такія же бібліотеки были затѣмъ устроены и въ другихъ мѣстахъ. Статистика требованій показала, что больше всего читается беллетристика (48%). Спросъ на научныя книги достигаетъ 19%. Изъ авторовъ солдаты охотнѣе всего читаютъ Диккенса. Пользуются успѣхомъ и другіе «враги»—Толстой, Тургеневъ, Достоевскій, Золя, Дюма, Додэ и Викторъ Гюго. Интересъ къ Диккенсу, стоящему на первомъ мѣстѣ, нѣмецкая печать объясняетъ занятностью фабулы романовъ англійскаго писателя, которая «легко захватываетъ малообразованнаго въ литературномъ отношеніи читателя», а также и тѣмъ, что Диккенсъ «зло клеймитъ слабости и пороки англійчанъ». Подводя итоги, германскія газеты съ печалью признаются, что нѣмецкіе писатели читаются въ войскахъ гораздо меньше, чѣмъ это было бы желательно.

Открыта ПОДПИСКА
на 1915 г. (37-й год)
на еженедельн. художественно-литературный семейный
ЖУРНАЛЬ

РОДИНА

ОБИЛЕ И РАЗНООБРАЗИЕ
материала для чтения и иллюстраций.
УЧАСТИЕ ВЫДАЮЩИХСЯ
русских писателей и художн.
Въ 1915 г. подписч. получать:

52 №№ ИЛЛ. **ЖУРНАЛА**
„РОДИНА“
съ повѣст., разск., стих.
выдающ. писат. и многими кар-
тинами и рисунками.

52 №№ ИЛЛ. **„ВСЕМИРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“**
событія текущей жизни въ рисун. и описан.
52 №№ ИЛЛ. **„РАЗВЛЕЧЕНІЕ въ часы**
отдыха“
юморист. разск., карикатуры, игры, забавы.

12 **КАРТИНЪ** ЦВѢТНЫМИ
КРАСКАМИ
по интереснымъ оригиналамъ.

40 **ФОТОГРАВИЮРЪ**
съ картинъ выдающ. художн.,
ка вкладн. листахъ мѣловой бумаги.

„РОДИНА“ тщательно отражаетъ со-
временн. войну въ рассказахъ, рисунк.,
снимкахъ и въ особомъ приложении
„НЕДѢЛЯ ВОЙНЫ“ — обзоры военныхъ
и политич. событий,
подвиговъ, сражений.

80 **КНИГЪ**
(8000 стран)
текста)

26 **КНИГЪ**
собрания
В. ТИХОНОВА
выдающагося современн. беллетриста и драматурга, извѣстнаго
всей Россіи. Въ 25 послѣднихъ книгахъ будетъ помѣщено свыше 90 романовъ и проч.
Первая 16 книгъ полн. собр. сочин. В. ТИХОНОВА высыл. новымъ подписчикамъ
за 2 р. съ перес. въ Европ. Россію и 2 р. 50 к. въ Азіатскую Россію.

40 **ОБЩЕПОЛЕЗНЫХЪ**
ПРИЛОЖЕНІЙ:

12 №№ „ДРУГЪ ДѢТЕЙ“ съ рисунками.
12 №№ Новѣйшя МОДЫ (600 рисун.).
12 №№ лист. Выкроекъ. 12 №№ лист.
рисунковъ разныхъ любительскихъ
работъ и **ТАБЕЛЬ-КАЛЕНДАРЬ**
на 1915 г. въ краскахъ.

12 **КНИГЪ**
иллюстр. **СОБРАНИЯ РУССКИХЪ РОМАНОВЪ**
(не менѣе 12 романовъ, среди которыхъ ВОЕННЫЕ и военно-историч. романы В. В.
Муйжеля, А. Будищева, Л. Чарской, Е. Маурина, а также современ. бытов. и историч.
романы И. Н. Потапенко, кн. М. Н. Волконскаго, Б. П. Никонова, А. Е. Зарина и пр.).

2 **КАРТИНЫ**
БОЛЬШІЯ ПРЕМИ:

1) „ШАЛОСТИ АМУРА“. 2) „ПОДЪ
СОЛНЦЕМЪ ЮГА“. Художественно
воспроизведенныя многими цвѣтными
красками обѣ эти очаровательн. картины
будутъ даны подписч.,
которые до 15-го апрѣ-
ля 1915 г. внесутъ **ГODOVУЮ ПЛАТУ**.

18 **КНИГЪ** ИСТОРИЧЕСК. РО-
МАНОВЪ и ПОВѢСТЕЙ **Н. СЕВЕРИНА**
высокоталантлив. автора историческихъ произведеній изъ жизни Россіи и Польши.

24 **КНИГИ** **„СБОРНИКЪ ЛИТЕРАТУРЫ“** (до 500 разск.,
интерес. стат.)
Подписная цѣна „РОДИНЫ“ съ прилож. и **80** **КНИГАМИ**

За годъ безъ до-
ставки **7** Р. | Безъ до-
ставки въ
Москвѣ **7** Р. **50** к. | Съ пере-
сылк. по
Россіи **8** Р. | **РАЗСРОЧКА** **3** Р.
первый взносъ

Подробная ПРОГРАММА вы-
сылается **БЕЗПЛАТНО**.

ПОДПИСКА въ Анц. 0-въ ИЗДАТЕЛЬСТВА А. А. НАСПАРИ, ПЕТРОГРАДЪ, Лиговская, д. 114, и Садовая, 20.

За ПОСТАВКУ ДВУХЪ рублей по-
лучаютъ 20 КНИГЪ. 51-
35 РЕМАНОВЪ, 12 вѣстей и р.-
подписная цѣна „РОДИНЫ“ со всѣми ПРИЛОЖЕНІЯМИ и 100 ИЛЛ. ГРАМ-
За годъ **9** р.
безъ до-
ставки въ
Москвѣ **9** р. **50** к.
Съ пере-
сылк. по
Россіи. **10** р.
РАЗСРОЧКА **4** р.
первый взносъ

ПОРТНЫМЪ
высыл. **БЕЗПЛАТНО**
какъ улучшить свое
положеніе. Укажите
Вашъ адресъ и адреса
своихъ знакомыхъ.
Адресъ: „ПОСРЕДНИКЪ
ДЛЯ ПОРТНЫХЪ“,
г. Рига, 752.

Королевскія Идилліи. Десять поэмъ знаменитаго ан-
глійскаго поэта-лауреата Альфре-
да Теннисона въ полномъ стихо-
творномъ переводѣ О. Н. Чюминой, удостоенномъ Пушкинской премии,
съ иллюстраціями Г. Дорэ, Райда, Мэхлиза и др., съ биографіей А. Тен-
нисона и статьей о королѣ Артурѣ и рыцаряхъ Крутлаго Стола.
Единственное на русскомъ языкѣ издание поэмъ А. Теннисона. Цѣна
въ переплетѣ—2 р. съ пересылкой.
Требованія адресуются Акціонерному Обществу Издат. А. А. НАСПАРИ,
Петроградъ, Лиговская ул., д. № 114, и Садовая ул., д. 20.

ВСѢМ предлагаю переписку ад-
ресовъ по 3 руб. за 100 шт.
Заработокъ до 150 р. Инструкция, ори-
гин. и матер. выс. за 60 к. Апр.: Коз-
ловъ, Гоголевская, 163, 1. Гладышевъ.

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ КНИГЪ
въ Издательствѣ А. А. Наспари,
Петроградъ, Лиговская ул., д. 114.

ОТКРЫТА на 1915 г.
(10-й годъ изд.)
ПОДПИСКА
на еженедельный иллю-
стрированный литературн.
ЖУРНАЛЬ
Гг. подписч. получать:

„Всемирная НОВЬ“

„Журналъ СОВРЕ-
МЕННОЙ ЖИЗНИ“
3750 стол-
тек-стр. | 2000 иллю-
стр.

186 ВЫПУСК.
ЖУРНАЛ.
и ПРИЛОЖ.

52 №№ илл. **„Всемирная НОВЬ“**;
журнала „Всемирная НОВЬ“;
разказы выдающ. писат. и масса иллюстрацій
СОВРЕМЕННОЙ ВОЙНЫ и текущей жизни.

52 №№ илл. **„СМѢХЪ и САТИРА“**;
отдѣла „СМѢХЪ и САТИРА“;
юмористическіе рассказы, сатиры, шу-
тки и злободневныя **КАРРИКАТУРЫ**.

12 №№ илл. **„ХОЗЯЙКА ДОМА“**
илл. „ХОЗЯЙКА ДОМА“
моды (300 рис.), хозяйств., медицин. совѣты

ОТРЫВНОЙ КАЛЕНДАРЬ
ЕЖЕДНЕВНИКЪ на 1916 г.
(съ 366 листк.) съ массою свѣ-
дѣній, на папкѣ для подвѣшн.

КАРТИНА-ПРЕМИА
„СВИДАНІЕ“ — большаго размѣра, художеств.
воспроизведен. во много красокъ,
будетъ **БЕЗПЛАТНО** подписчик., котор. до 1-го мая
выдана **БЕЗПЛАТНО** 1915 г. внесутъ **ГODOVУЮ ПЛАТУ**.

ШЕСТЬДЕСЯТЬ ВОСЕМЬ (68) КНИГЪ

АБОНЕМЕНТЪ № 1-й:

20 **КНИГЪ** **А. Д. АПРАКСИНА** преимуществен.
собрания сочинен. изъ жизни рус-
ской аристократ.
свыше **35** **РОМАНОВЪ**, повѣстей, разказовъ и проч. (около **2500** страницъ.)

12 **КНИГЪ** **РОМАНОВЪ** „**ДРАМЫ ЖИЗНИ**“ полныхъ трагизма
и захватывающаго инт. (1350 стр.)
подъ назв. „**ДРАМЫ ЖИЗНИ**“

12 **КНИГЪ** **СОБРАНИЯ РУССКИХЪ РОМАНОВЪ**
иллюстр. (большаго формата—1000 стран.), лучшихъ современ. русск. писателей на темы
СОВРЕМЕННОЙ ВОЙНЫ, а также историч. и бытовья.

24 **КНИГИ** **„СБОРНИКЪ ЛИТЕРАТУРЫ“** (въ годъ **1900** стран.—до
500 разск. и разн. статей.)

Подписная цѣна „ВСЕМИРНОЙ НОВИ“ съ **68-Ю** **КНИГАМИ**
За годъ съ пере-
сылк. по Россіи **7** Р. **50** к. | За пол-
года **3** Р. **75** к. | За
три мѣс. **1** Р. **90** к.
Необходимо **ТОЧНО** **УКАЗЫВАТЬ** при подпискѣ № **абонемента**.

АБОНЕМЕНТЪ № 2-й:
32 **КНИГИ**
(20 кн. собран. сочин. АПРАКСИНА и
12 кн. романовъ „ДРАМЫ ЖИЗНИ“).

АБОНЕМЕНТЪ № 3-й:
36 **КНИГЪ**
(12 больш. книгъ иллюстр. СОБРАНИЯ
РУССКИХЪ РОМАНОВЪ и 24 книги
„СБОРНИКА ЛИТЕРАТУРЫ“).

ПОДПИСИ. ЦѢНА „ВСЕМИРНОЙ НОВИ“
съ **КНИГАМИ** 2-го или 3-го АБОНЕМ.

За годъ **5** Р. | За 6
мѣс. **2** Р. **60** к.

За ТРИ мѣс.—1 р. 35 к.

ПОДРОБНАЯ ПРОГРАММА высылается **БЕЗПЛАТНО**.

ПОДПИСКА на „ВСЕМИРНУЮ НОВЬ“ адресуетъ въ
Анц. Общество Издательствъ А. А. НАСПАРИ, ПЕТРОГРАДЪ,
Лиговская ул., 114—Отдѣл.: ПЕТРОГРАДЪ, САДОВАЯ, 20 (пог. Гостинат), и
МОСКВА, Петровскія лѣнн., кент. Н. Н. Печковскій.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ (БЕЛЛЕТРИСТИЧЕСКИХЪ и ФИЛОСОФСКИХЪ)

Л. Н. ТОЛСТОГО

подъ общей редакціей **Д. В. ФИЛОСОФОВА**, въ **82-хъ КНИГАХЪ** (до 9.000 стран. текста въ 1/8 долю листа), напечатанныхъ на высокоглазированной бумагѣ, четкимъ шрифтомъ. Къ изданію будутъ приложены **портреты автора**, воспроизведенные на мѣловой бумагѣ, и его **биографія**. Обложка художника **Д. И. Митрохина**.

Въ изданіе войдутъ **ВСѢ ПРОИЗВЕДЕНІЯ Л. Н. ТОЛСТОГО**, а именно:

РОМАНЫ и ПОВѢСТИ:— „Война и Миръ“, „Анна Каренина“, „Крейцерова соната“, „Воскресеніе“, „Дѣтство, отрочество и юность“, „Казакъ“, „Утро помѣщика“, „Семейное счастье“, „Декабристы“, „Записка маркера“, „Два гусара“, „Полюшка“ — **РАЗСКАЗЫ**:— „Набѣгъ“, „Севастополь“, „Руока льса“, „Встрѣча въ отрядѣ“, „Метель“, „Альбертъ“, „Люцернъ“, „Три смерти“, „Холстомѣръ“, „Тихонъ и Маланья“, „Идиллія“, „Смерть Ивана Ильича“, „Хозяинъ и работникъ“, „Корней Васильевъ“, „За что?“, „Ягоды“, „Пѣсни на деревнѣ“.

ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ:— „Власть тьмы“, „Плоды просвѣщенія“, „Живой трупъ“, „И свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ“, „Отъ ней всѣ качества“.

ПОСМЕРТНЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ:— „Хаджи Муратъ“, „Отецъ Сергій“, „Дьяволъ“, „Послѣ бала“, „Фальшивый купонъ“, „Алеша Горшокъ“, „Зеленая палочка“, „Записки сумасшедшаго“, „Два спутника“, „Кто правъ?“, „Отецъ Василии“, „Кто убицъ?“, „Иеромонахъ Исидоръ“, „Ходынка“ и проч. — **ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ для НАРОДА**:— „Чѣмъ люди живы“, „Первый винокуръ“, „Ходите въ свѣтъ“, „Какойшій грѣшникъ“ и проч. 32 произведенія.

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКІЯ СОЧИНЕНІЯ:— „Исповѣдь“, „Въ чемъ моя вѣра?“, „Христіанское ученіе“, „Ученіе Христа, изложенное для дѣтей“, „Что такое религія“, „Какъ читать Евангеліе и въ чемъ его сущность“ и проч. статьи 80-хъ и 90-хъ гг. — **КРУГЪ ЧТЕНІЯ** — **СТАТЬИ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКІЯ**, а также объ искусствѣ, литературѣ, критическія. — **ПЕДАГОГИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ** и пр., и пр.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ Л. Н. ТОЛСТОГО БУДЕТЪ ДАНО ВЪ 1915 ГОДУ

ВВИДѢ БЕЗПЛАТНАГО ПРИЛОЖЕНІЯ къ слѣдующимъ ЖУРНАЛАМЪ:

„ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“

Годъ изд. II.

„Голосъ Жизни“ — первый русскій иллюстрированный еженедѣльникъ, поставившій себѣ цѣлью соединить художественность съ занимательностью, серьезность — съ общедоступностью.

Въ каждомъ номерѣ „Голоса Жизни“ помѣщаются рассказы, стихи, статьи талантливыхъ представителей всѣхъ литературныхъ теченій и не менѣе двадцати иллюстрацій.

Въ литературѣ „Голосъ Жизни“ стремится къ широкой объективности, а въ публицистикѣ — къ объединенію демократическихъ и прогрессивныхъ элементовъ русскаго общества.

Углубленное толкованіе современныхъ событій, подготовленіе русскаго общества къ предстоящей творческой работѣ — таково основное стремленіе „Голоса Жизни“.

„Голосъ Жизни“ — богато иллюстрированъ и даетъ тонкохудожественный матеріалъ, равно какъ и фотографическія снимки съ театра военныхъ дѣйствій.

Съ новаго года „Голосъ Жизни“ выходитъ при ближайшемъ участіи **Д. В. Философова**.

Въ „Голосѣ Жизни“ помѣщаются стихотворенія и рассказы: С. Андреевскаго, С. Ауслендера, В. Бестужева, А. Блока, В. Брусикина, В. Верхостинскаго, З. Гиппиуса, С. Городецкаго, Л. Добронравова, Бориса Зайцева, Георгія Иванова, В. Карачаровой, Д. Крачюнскаго, Д. Крючкова, А. Ремизова, В. Рошнина, Ю. Слезкина, П. Соловьевой, Ф. Сологуба, А. Чапыгина, Ив. Шмелева, К. Эрберга и др.

Въ „Голосѣ Жизни“ помѣщаются статьи: Б. Веселовскаго, Владимира Гиппиуса, В. Ирецкаго, В. Каратыгина, проф. А. Карташева, Н. Коробики, проф. М. Курчинскаго, Антона Крайняго, Д. Левина, Н. Лернера, А. Мейера, Д. Мережковскаго, М. Новорусскаго, Е. Семенова, М. Славинскаго, проф. К. Соколова, Ю. Слонимской, проф. М. Туганъ-Барановскаго и др.

Въ „Голосѣ Жизни“ принимаютъ участіе художники: Александръ Бенуа, И. Билибинъ, Ф. Бруни, М. Добужинскій, Г. Лукомскій, Д. Митрохинъ, М. Нецитайло-Андриенко, Н. Рерихъ, Н. Смирновъ, А. Соборова, С. Чехонинъ, В. Янауверъ и др.

Подписчики „ГОЛОСА ЖИЗНИ“ получаютъ:

52 №№ художеств.-литературн. журнала и **82 КНИГИ** ПОЛНАГО СОБРАНІЯ **Л. Н. ТОЛСТОГО.** ВСѢХЪ СОЧИНЕНІЙ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за ГОДЪ съ пересылкой **8 р. 50 к.**

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА: при подпискѣ **3 р. 50 к.**, къ 1-го марта — **2 р.**, къ 1-го июня — **2 р.**, къ 1-го августа — **1 р.**

Принимается подписка на журналъ „ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ безъ книгъ **Л. Н. Толстого.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за годъ — **4 р. 50 к.**, за полгода — **2 р. 50 к.**, за 3 мѣс. — **1 р. 35 к.**

Плюбные номера — 20 коп. съ пересыл. При подпискѣ указывать избранный журналъ и число книгъ и адресовать Акц. Общ. ИЗДАТЕЛЬСТВА **А. А. КАСПАРИ, ПЕТРОГРАДЪ:** 1) Лиговская, д. 114, и Садовая, д. 20.

„ВСЕМІРНАЯ НОВЬ“

(10-й г. изд.)

„ВСЕМІРНАЯ НОВЬ“ — еженедѣльный иллюстрированный ЖУРНАЛЪ СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ, дающій въ теченіе года

52 №№ ЛИТЕРАТУРН. ЖУРНАЛА съ массой рисунковъ, иллюстрирующихъ ТЕКУЩІЯ ВОЕННЫЯ и проч. событія мировой жизни, съ интересными разсказами — новинками русской и иностранной литературы и проч. **ПРИ НЕМЪ ВЫЙДУТЪ**

66 ПРИЛОЖЕНІЙ

52 №№ юмористич. илл. отъ „СМѢХЪ и САТИРА“, а также

12 №№ „ХОЗЯЙКА ДОМА“ (моды и домовод.), **ОТРЫВНОЙ**

КАЛЕНДАРЬ-ЕЖЕДНЕВНИКЪ на 1916 г., изящная

КАРТИНА-ПРЕМІЯ — „СВИДАНІЕ“ и

82 КНИГИ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ ВСѢХЪ СОЧИНЕНІЙ Л. Н. ТОЛСТОГО.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за ГОДЪ съ пересылк. **7 р. 50 к.**

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА: при подпискѣ **3 р.**, къ 1-го марта — **1 р. 50 к.**, къ 1-го июня — **1 р. 50 к.**, къ 1-го августа — **1 р. 50 к.**

Принимается **УДЕШЕВЛЕННАЯ** подписка на „ВСЕМІРНУЮ НОВЬ“ съ 66-ю ПРИЛОЖЕНІЯМИ и **50 КНИГАМИ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ** РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ, РАЗСКАЗОВЪ и ДРАМЪ **Льва Ник. ТОЛСТОГО**

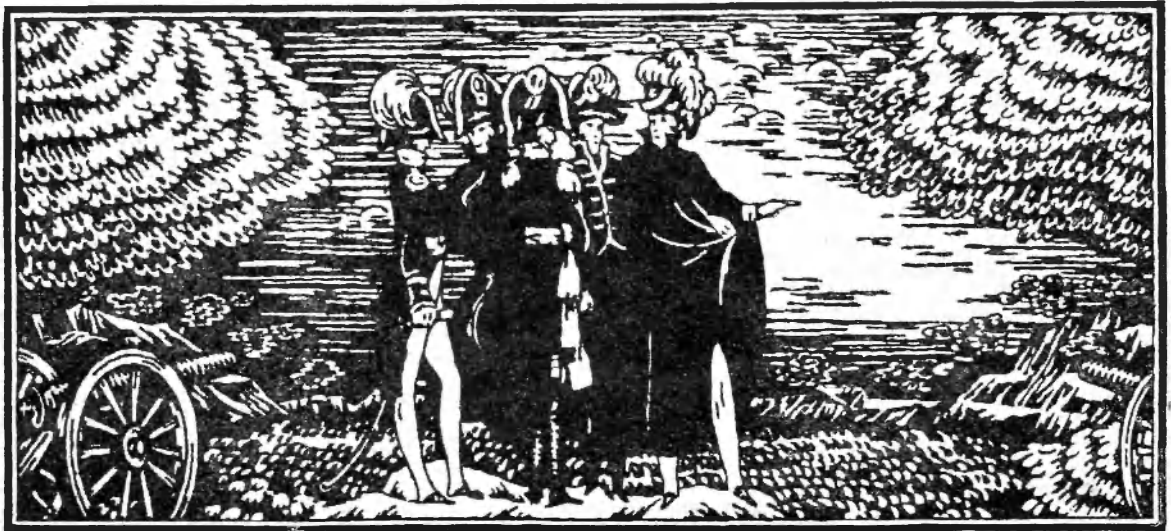
(т. е. за исключен. его философск. произведеній)

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за ГОДЪ съ перес. **ШЕСТЬ (6) руб.**

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА: при подпискѣ — **ДВА (2) р.**, къ 1-го марта — **1 р. 50 к.**, къ 1-го июня — **1 р. 50 к.**, къ 1-го августа — **1 руб.**

Необходимо при уплатѣ ПЕРВАГО ПОДПИСНОГО ВЗНОСА точно указать желательное ли получить журналъ „ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ съ 82-мя книгами ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ Л. Н. ТОЛСТОГО, или БЕЗЪ этихъ книгъ, а журналъ „ВСЕМІРНАЯ НОВЬ“ — съ 82-мя или 50-ю книгами сочиненій Л. Н. ТОЛСТОГО.

Ввиду высокой цѣнности для культурнаго міра творчества Л. Н. ТОЛСТОГО будетъ обращено особое вниманіе на тщательность печати и издательство ВНУТРЕННАГО ВИДА ПОЛНАГО СОБРАНІЯ ЕГО СОЧИНЕНІЙ.

М. И. ПУГАЧЕВЪ - АНДРЕЕВЪ. 914.

К. СОКОЛОВЪ.

ВЕДИКІЕ ЕВРОПЕЙСКІЕ КОНГРЕССЫ.

II.

Международная система, основы которой были заложены на Вестфальскомъ конгрессѣ, просуществовала въ общемъ до конца XVIII столѣтія. Это было очень бурное время. Войны слѣдовали за войнами, конгрессы за конгрессами, мирные трактаты за мирными трактатами. То та, то другая держава пыталась оспаривать у Франціи гегемонию, которую она завоевала въ Европѣ столько же блестящими побѣдами своихъ генераловъ, сколько несравненнымъ искусствамъ своихъ дипломатовъ. Въ составѣ организованнаго въ 1648 году международнаго общенія произошли нѣкоторыя перемѣны и перемѣщенія. Швеція и Испанія утратили свое бывшее значеніе державъ первої величины. Польша приближалась къ концу своего государственнаго бытія. Европа была свидѣтельницей возвышенія Пруссіи и появленія новаго могущественнаго фактора международной политики въ лицѣ Россіи.

Международныя сношенія развивались въ этомъ періодѣ подъ знакомъ идеи „политическаго равновѣсія“. Поддержаніе „политическаго равновѣсія“ считалось необходимымъ для обезпеченія независимости отдѣльныхъ государствъ, а во имя его главнымъ образомъ и составлялись коалиціи, велись войны и подписывались договоры. Но „равновѣсіе“ международныхъ силъ понималось тогда не такъ, какъ оно понимается въ наши дни. Рѣчь шла тогда не о справедливомъ уравновѣшеніи крупныхъ національныхъ интересовъ, а объ осуществленіи эгоистическихъ плановъ монарховъ, радѣвшихъ о личномъ и семейномъ благополучіи, и ихъ министровъ, стремившихся къ вліянію и славѣ. Между внѣшней и внутренней политикой эпохи была тѣсная, закономѣрная связь. Во всѣхъ значительныхъ государствахъ Европы утвердился неограниченный абсолютизмъ. Абсолютные монархи, признававшие за своими подданными только „ограниченный разумъ“, трактовали вопросы государственной и международной жизни какъ свое личное или семейное дѣло.

Большая французская революція потому сразу и приобрѣла международное значеніе, что, разрушивъ „старый порядокъ“, она потрясла глубочайшія основанія международнаго общенія.

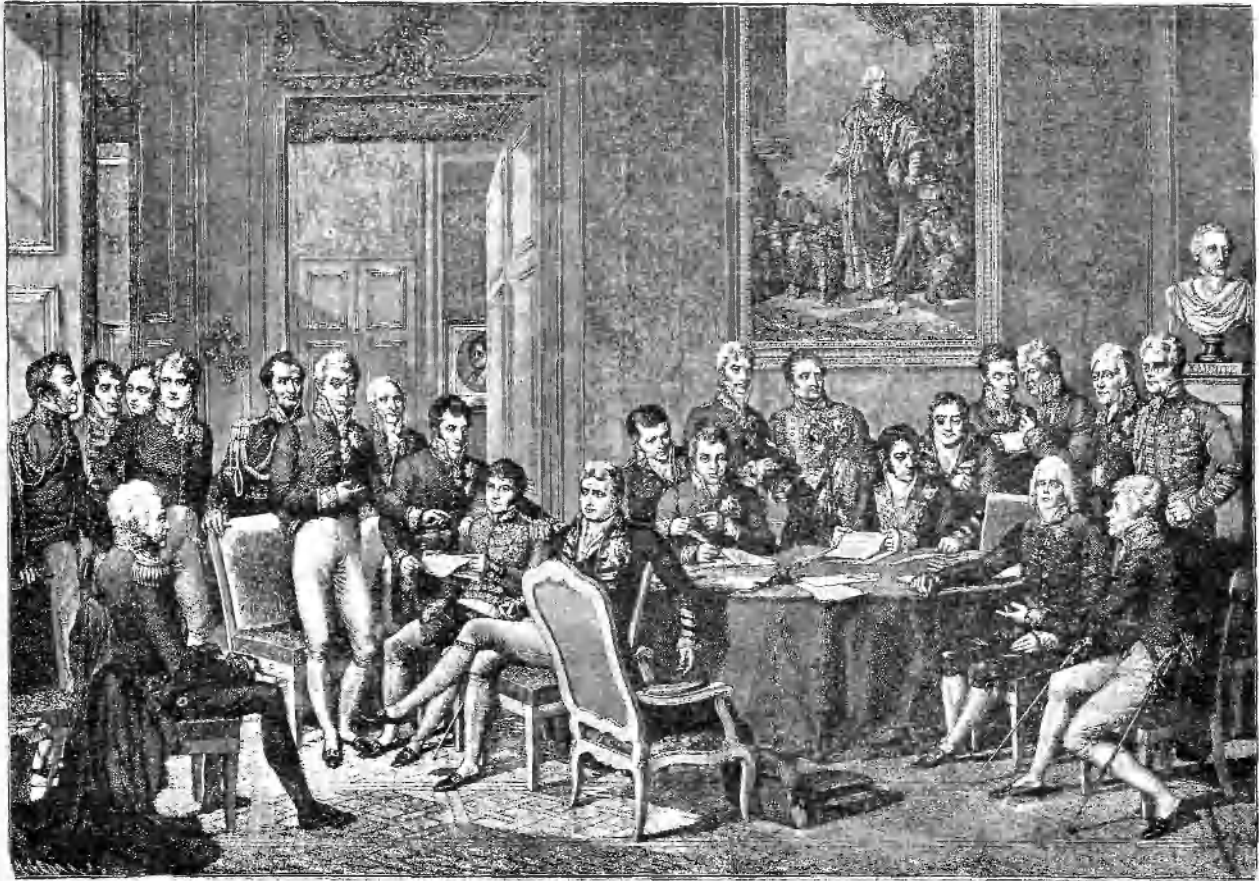
Это чувствовали одинаково и французскіе революціонеры и европейскіе монархи. „Народный суверенитетъ не можетъ быть связанъ трактатами, заключенными тиранами“, „Вездѣ есть тронъ, у Франціи есть врагъ“, — провозгласили дѣятели революціи, несшие, по ихъ словамъ, „войну за миръ хижинамъ“. А въ противоположномъ концѣ Европы на ихъ пламенные тирады откликалась бывшая ученица Вольтера и Дидро, императрица Екатерина II, явившая революціонерамъ „каналыи, родственными кизу Пугачеву“. Узнавъ о казни Людовика XVI, Екатерина II издала манифестъ, которымъ прерывалось „политическое, торговое и всякое съ Франціею сообщеніе“, а живавшимъ въ Россіи французамъ предписывалось въ трехмѣсячный срокъ, за исключеніемъ тѣхъ, „которые клятвенно отречься отъ неистовыхъ правилъ, въ которыхъ земля исповѣдуемыхъ, и отъ всякаго съ нею отношенія“.

Такъ лишний разъ оказались другъ противъ друга Европа и Франція. Европа была предъ лицомъ „старого порядка“ и неограниченнаго абсолютизма. Но Франція была уже Франціею новой, мнѣвшей насильемъ привить всему міру только что ею самой извѣданныя принципы „свободы, равенства и братства“.

* * *

Европа образовала противъ революціонной Франціи „коалиціи“ — 1793, 1798 и 1805 годовъ. Последняя, т. е. „коалиція“ имѣла дѣло уже не съ республиканскими, а императорскими войсками. Въ 1804 году Наполеонъ принялъ титулъ французскаго императора. Противопоставивъ „монархической“ Европы и „революціонной“ Франціи, онъ будто тѣмъ самымъ утрачивало всякій смыслъ. На дѣло оно сохранило всю свою силу. Позднѣйшая наполеоновая легенда объединила имперію съ революціею въ одно и своего героя изобразила прямымъ преемникомъ монархическихъ и политическихъ завѣтовъ революціонной Европы. Въ этомъ несомнѣнно очень много преувеличенія и „

логи
исти
нос
ниг
мен
пра
чел
вы
„в
луч
лич
Он
обр
тел
чес
тор
ка
лео
ра
раг
пос
гун
ар
во
из
по
бы
Алс

Вієнскій конгрессъ 1815 г. Съ картины Изабѣ. (1767—1855.)

опи". Но въ этомъ есть и зерно неоспоримой исторической истины. Дѣйствительно въ своихъ првтизаніяхъ на всемір-
ное господство Наполеонъ только развилъ и довель до край-
него ихъ выраженія идеи, въ зародышѣ скрывавшіяся въ
международной программѣ революціи, а съ государственно-
правовой точки зрѣнія онъ ужъ во всякомъ случаѣ не былъ
человѣкомъ „старого порядка“. Среди монарховъ Европы,
вынужденныхъ принять его въ свою семью, Наполеонъ былъ
выскачкой“, человѣкомъ „безъ рода, безъ племени“, по-
лучившимъ престолъ не „Божьею милостью“, а милостью
личныхъ талантовъ и заслугъ, и общественнаго сочувствія.
Онъ не былъ конечно демократомъ, но силою вещей онъ
принужденъ былъ часто выступать въ роли демагога, и въ дѣя-
тельности его можно найти сколько угодно чертъ демагоги-
ческаго использованія демократическихъ идей революціи, ко-
торую онъ подавлялъ и которой онъ былъ обязанъ своей
славою. Движеніе монархической Европы противъ Напо-
леона не могло поэтому не принять въ концѣ концовъ ха-
рактера „реставраціи“, то есть возстановленія добраго ста-
рого порядка.

Реставрація въ Европѣ стала однако мыслимой только
послѣ того, какъ война 1812 года надломивъ военное мо-
щество Наполеона. Съ изгнаніемъ остатковъ французской
имперіи изъ Россіи предъ русскимъ правительствомъ стала
вопросъ, окончить ли на этомъ Отечественную войну, или
продолжить ее европейской и продолжать до
полнаго сокрушенія Французской имперіи. Вопросъ этотъ
былъ рѣшенъ въ значительной степени личными склонностями
Александра I, которому улыбалась слава „вождя народовъ“,

и въ 1813 году по Европѣ прокатилась волна обратнаго
шестьвѣ „двунадесяти языковъ“. Народы за годъ предъ-
тѣмъ покорно присоединившіяся къ Наполеону и шедшіе на
Москву, повинувались теперь призыву новаго „Агамемнона“
и шли на Парижъ.

Въ январѣ 1814 года союзныя войска заняли Эльзасъ,
Лотарингію и Франшъ-Конте и находились въ пятидесяти
миляхъ отъ Парижа. 4-го февраля въ городѣ Шатильонѣ на
Сенѣ начались мирныя переговоры. Переговоры эти, къ ко-
торымъ ни та, ни другая сторона не относилась серьезно, не
привели ни къ чему, и 1-го марта въ Шамонѣ представи-
тели четырехъ союзныхъ державъ подписали соглашеніе, по
которому Австрія, Англія, Пруссія и Россія взаимно обяза-
лись не складывать оружія до тѣхъ поръ, пока Наполеонъ
не приметъ выработанныхъ ими сообща условій мира. Вслѣдъ
за тѣмъ союзники вступили въ Парижъ. Наполеонъ отрекся
отъ престола, и возстановленные милостью Европы на тронѣ
Бурбоны санкціонировали 30-го мая отъ имени Франціи
первый парижскій миръ. По этому миру Франція должна
была вернуться къ границамъ 1792 года, а территорія,
отобранная у нея или оставшіяся безхозяйными послѣ ре-
волюцій 1813 и 1814 гг., подлежали распредѣленію, по
соглашенію, между союзниками. Для окончательнаго рѣшенія
всѣхъ намѣченныхъ парижскимъ миромъ вопросовъ и былъ
созванъ конгрессъ въ Вѣнѣ.

Вієнскій конгрессъ былъ самымъ блестящимъ междунаро-
днымъ собраніемъ, какое когда либо видѣла Европа. Въ его
работахъ принимали участіе представители всѣхъ европей-
скихъ государствъ, кромѣ Турціи. Лично присутствовали: